

Страхъ смерти.

Публичная лекція, прочитанная 27 ноября 1897 г. въ Москвѣ, въ аудиторіи Историческаго музея.

Время отъ времени полезно останавливать свою мысль на вопросахъ обыденныхъ, но имѣющихъ всеобщее значеніе, такъ какъ при этомъ нерѣдко обнаруживается чрезвычайная смутность нашихъ идей, даже по отношенію къ вещамъ совершенно обыкновеннымъ.

Это имѣетъ значеніе даже по отношенію къ такимъ вопросамъ, о которыхъ мы можемъ размышлять совершенно покойно и еще болѣе по отношенію къ вопросамъ, которые приводятъ насъ въ смущеніе.

Къ числу такихъ смущающихъ насъ вопросовъ на первомъ планѣ относится вопросъ о смерти, соединяющійся для насъ съ особымъ чувствомъ, которое справедливо называется страхомъ.

Что такое смерть и чѣмъ обусловливается этотъ страхъ предъ нею?

Что касается до тѣхъ представленій о смерти, которыя существуютъ у большинства людей, то нѣтъ надобности доказывать всю ихъ неопредѣленность.

Хорошимъ примѣромъ можетъ служить въ настоящемъ случаѣ замѣчаніе, сдѣланное однажды Тургеневымъ въ кружкѣ писателей, собравшихся у Виктора Гюго. Послѣ того какъ каждый изъ присутствовавшихъ сказалъ свое представленіе о смерти и очередь дошла до Турге-

нева, онъ замѣтилъ: „Я не имѣю никакого представленія о смерти, кромѣ того, что она мнѣ кажется чѣмъ-то очень далекимъ и неяснымъ, чему я никакъ не могу придать опредѣленной физіономіи“.

Что-то смутное и далекое, постоянно убѣгающее предъ нами, по мѣрѣ того какъ мы къ нему приближаемся, таково въ дѣйствительности представленіе о смерти у большинства людей.

Иначе и не можетъ быть. Неопредѣленность представленія о смерти имѣетъ глубокое психологическое основаніе: наше представленіе о всякомъ будущемъ цѣликомъ складывается изъ нашего прошлаго, и въ будущее мы можемъ переносить съ совершенною отчетливостью только то, что приняло въ нашемъ сознаніи опредѣленную, ясную форму. Тамъ же, гдѣ мы представляемъ себѣ будущее по случайнымъ, отрывочнымъ, незаконченнымъ образамъ, которые возникаютъ въ насъ частью изъ нашихъ собственныхъ смутныхъ стремленій, частью изъ заимствованныхъ идей и представленій,—оно всегда является неяснымъ. Хорошимъ примѣромъ могутъ служить тѣ грезы о счастіи, мечты о будущей дѣятельности и т. п., которыя создаются нами въ началѣ нашей жизни и которыя всегда бываютъ смутными, не имѣющими законченной конкретной формы и которыя по степени своей неясности могутъ быть смѣло поставлены рядомъ съ нашимъ представленіемъ о смерти.

Большинство людей видитъ смерть, какъ особую случайность, лишь одинъ или нѣсколько разъ въ жизни и далеко не всегда при этомъ бываетъ въ состояніи правильно размышлять. И то, что они видятъ, относится къ людямъ, такъ мало похожимъ на нихъ самихъ, что въ результатѣ человѣку неоткуда взять, такъ сказать, предварительныхъ свѣдѣній о своей собственной смерти. Познаваемая нами какъ явленіе внѣшняго міра, какъ нѣчто всегда происходящее внѣ насъ, смерть не можетъ не быть для насъ явленіемъ чуждымъ, и ясность нашего представленія о смерти никогда не достигнетъ той степени отчетливости, съ которой мы вос-

принимаемъ состоянія жизни, которыя имѣютъ для насъ какъ объективное, такъ и субъективное значеніе. Смерть мы можемъ только понять, тогда какъ жизнь мы прежде всего можемъ чувствовать.

Даже и тѣ люди, которые часто видятъ смерть по роду своей профессіи, естественно затрудняются въ представленіи своей собственной смерти, однако по другой причинѣ, чѣмъ люди, совершенно незнакомые со смертью: смерть имѣетъ столько различныхъ видовъ, что является затрудненіе въ томъ, какой видъ смерти предполагать для себя.

Итакъ, смерть всегда есть нѣчто неизвѣстное.

Не есть ли и страхъ предъ смертью страхъ предъ неизвѣстнымъ?

Нѣтъ. Страхъ смерти есть чувство очень сложное, требующее внимательнаго анализа. Правда, то, что можно сказать по этому поводу, такъ просто и элементарно, что можетъ показаться недостаточнымъ, но вопросъ требуетъ разсмотрѣнія, и оно должно быть сдѣлано по мѣрѣ возможности.

Разлагая сложное чувство страха смерти на составляющіе его элементы, мы находимъ: такъ называемый инстинктивный страхъ смерти, чувство неизвѣстности, боязнь страданія, превосходящаго всѣ другія по своей силѣ, сожалѣніе о потерѣ жизни, сожалѣніе объ остающихся въ живыхъ людяхъ, мысли объ угрызенияхъ совѣсти и мысли о загробной жизни.

Къ этому присоединяются мысли о разнаго рода тягостныхъ ощущеніяхъ, какъ: безмолвіе и холодъ могилы, тяжесть и сырость земли, глухая крышка гроба, тайны кладбища и, наконецъ, суевѣрное чувство ужаса, соединенное съ представленіемъ о трупѣ.

Разсмотримъ эти составляющіе страхъ смерти моменты нѣсколько ближе.

Существованіе инстинктивнаго страха предполагается на основаніи тѣхъ наблюденій, которыя сдѣланы какъ у чловѣка, такъ и у животныхъ въ моменты опасности, угро-

жавшей ихъ жизни. Примѣрами служатъ насѣкомыя, въ моментъ опасности притворяющіяся мертвыми, птицы, неподвижно сидящія въ травѣ при видѣ ястреба и почти позволяющія брать себя руками, на чемъ основанъ даже одинъ изъ видовъ охоты, и особенно болѣе высоко организованныя животныя и преимущественно домашнія животныя, у которыхъ можно предполагать даже существованіе идеи смерти: такъ, лошади испытываютъ въ присутствіи трупа несомнѣнный страхъ и храпятъ такъ же, какъ при приближеніи волка. Быки при видѣ крови убитыхъ на бойнѣ животныхъ иногда охватываются столь сильнымъ ужасомъ, что ломаютъ всѣ преграды или перепрыгиваютъ черезъ высокія загородки, стремясь во что бы то ни стало уйти изъ опаснаго мѣста. При этомъ рассказываютъ, что нѣкоторыя животныя, видя неминуемую гибель, издаютъ необыкновенные крики, несвойственные имъ въ другое время, которые слышавшіе ихъ люди склонны называть почти человѣческими криками, тогда какъ люди при такихъ же обстоятельствахъ издаютъ крики, которые извѣстны подъ именемъ нечеловѣческихъ. Словомъ, достаточно вспомнить объ ужасѣ предъ опасностью, чтобы понять, что разумѣется подъ именемъ инстинктивнаго страха смерти.

Чувство неизвѣстнаго какъ бы еще болѣе увеличиваетъ этотъ ужасъ, дѣлая его почти безконечно большимъ, не имѣющимъ совершенно никакихъ предѣловъ.

Далѣе, въ представленіи о смерти важную роль играетъ мысль о боли и страданіяхъ, и смертный часъ многимъ представляется страшнымъ часомъ. Тоска—каждому извѣстное чувство—въ сильнѣйшихъ своихъ степеняхъ называется смертельной тоской, и однако испытывающій ее человѣкъ, равно какъ и окружающіе его, всегда предполагаютъ, что она есть лишь слабое подобіе того чувства безысходности и отчаянія, которое будетъ сжимать сердце и сдавливать горло въ послѣднія минуты жизни, становясь тѣмъ сильнѣе и ужаснѣе, чѣмъ ближе послѣдній моментъ, т. е. того чувства, которое называется дѣйствительной предсмертной тоской.

То же и относительно боли. Каждому человѣку придется испытывать боль, и нѣтъ такого человѣка, который не боится боли. И вотъ является мысль, что та боль, которая уже была испытана человѣкомъ ничто въ сравненіи съ тѣми страданіями, которыя ждутъ насъ на смертномъ одрѣ. По большей части мы знаемъ боли отъ случайныхъ поврежденій нашего тѣла и боли при различныхъ болѣзняхъ внутреннихъ органовъ, и эти боли кажутся всѣмъ безъ исключенія людямъ чѣмъ-то, очень далекимъ отъ страданій умиранія. Можетъ быть, это находится въ зависимости отъ того, что почти у каждаго человѣка есть такія мѣста, которыя ему кажутся наиболѣе чувствительными: кто боится поврежденій глаза, кто боится ранъ живота или затрудненія дыханія, и мысль о смерти связывается съ представленіемъ о чрезвычайной силѣ страданій вслѣдствіе нарушенія дѣятельности всѣхъ органовъ тѣла безъ исключенія и, слѣдовательно, въ томъ числѣ и наиболѣе чувствительныхъ для каждаго мѣсть: тьма, заволакивающая взглядъ, стѣсненіе въ груди, усилія вздохнуть, бесплодныя и отчаянныя, и боль, охватывающая все постепенно холодѣющее тѣло, въ которомъ жизнь ведетъ свою послѣднюю борьбу, шагъ за шагомъ уступая надвигающейся смерти.

И тутъ же страхъ предсмертныхъ угрызений совѣсти. Такъ часто рассказываютъ, что предъ смертью вся жизнь человѣка проходитъ вновь предъ его глазами въ яркихъ воспоминаніяхъ, и каждый, прежде чѣмъ предстать на страшный судъ, самъ производитъ судъ надъ собою. А кто изъ людей можетъ считать свою жизнь безупречной? И этотъ судъ надъ собою будетъ тѣмъ безотраднѣе и мучительнѣе, что онъ произойдетъ въ послѣдніе моменты, когда возвратъ уже не возможенъ, когда уже нѣтъ силъ, нѣтъ времени поправить сдѣланное зло. И счастливъ тотъ, кто совершилъ только поправимыя ошибки; но такихъ счастливецевъ немного. Чаше слабодушіе или злоба увлекаютъ человѣка такъ далеко, что единственнымъ возможнымъ для него ис-

ходомъ было бы забвеніе прошлаго, но именно забвеніе, эта вѣчная мечта человѣка, никогда не дается ему.

Въ свое время Николь*) посвятилъ цѣлую книгу описанію тѣхъ страшныхъ угрызений совѣсти, которыя ждутъ умирающаго.

„Представьте себѣ, — говоритъ онъ, — большую темную комнату, которую человѣкъ въ теченіе всей своей жизни наполняетъ змѣями и ехиднами, куда онъ множество ихъ приносить каждый день и проситъ еще и другихъ помочь ему увеличить его кучу; какъ только змѣи попадаютъ въ эту комнату, онѣ засыпаютъ, и однѣ лежатъ на другихъ, такъ что, позволяютъ этому человѣку даже ложиться на нихъ, не кусая его и не причиняя ему никакого зла, и такъ какъ такое положеніе продолжается довольно долго, человѣкъ привыкаетъ къ нему и ничего болѣе не боится; но именно въ то время какъ онъ объ этомъ меньше всего думаетъ, окна этой комнаты внезапно растворяются и туда проникаетъ свѣтъ. Всѣ змѣи сразу просыпаются и всѣ бросаются на несчастнаго, рвутъ и терзаютъ его, и не остается ни одной, которая не дала бы ему почувствовать своего яда. Какъ ни ужасенъ этотъ образъ, но онъ есть лишь слабое подобіе того, что дѣлаютъ обыкновенно люди и что съ ними будетъ въ моментъ ихъ смерти“.

Подобно Николу, хотя и въ гораздо болѣе сокращенномъ и упрощенномъ видѣ, множество моралистовъ пугаетъ человѣка его смертнымъ часомъ, полагая, что отъ этого можетъ послѣдовать нравственное исправленіе и совершенствованіе человѣчества. „Хорошо живешь, а какъ то будешь умирать“, такова постоянная угроза одного человѣка другому, за которой слѣдуетъ непременно заключеніе, что смерть грѣшниковъ люта. И великое множество людей съ нѣжной, впечатлительной душой содрагаются при этой угрозѣ и молятъ Бога отдалить послѣдній часъ, въ чемъ главнымъ образомъ и выражается достигнутый ре-

*) Nicole Essais de morale. 1671.

зультатъ, въ то время какъ сердца грубыя ожесточаются еще болѣе.

Въ самой тѣсной связи съ боязнью нравственныхъ мучений умирающія стоятъ мысли о загробной жизни, которыя мѣняются въ зависимости отъ религіозныхъ ученій и религіозныхъ направленій. Въ ужасѣ предъ тѣмъ, что ожидаетъ его за гробомъ, человѣкъ былъ готовъ завидовать даже животнымъ: „Плачьте, люди, и радуйтесь, звѣри, потому что звѣрямъ лучше, чѣмъ намъ. Для нихъ не будетъ послѣдняго суда, и нечего бояться мученій, такъ какъ послѣ смерти для нихъ нѣтъ ничего... Къ чему жизнь съ будущимъ, полнымъ мученій? Какъ великъ долженъ былъ быть твой грѣхъ, Адамъ, чтобы обречь насъ почти всѣхъ на вѣчныя муки... Лучше небытіе, чѣмъ перспектива суда послѣ смерти... Къ чему проводить жизнь среди несчастія и горя, если послѣ смерти нельзя ждать ничего, кромѣ наказанія и мученій... Лучше бы Адамъ никогда не существовалъ на землѣ... За чѣмъ намъ безсмертіе, если мы не совершасмъ ничего, кромѣ дѣлъ нашей гибели...“

Вотъ какіе вопли испускали въ свое время евреи, и надо сказать по справедливости, что они и до настоящаго времени находятъ себѣ откликъ въ душѣ человѣка. Правда, и донинѣ именемъ Господа Бога произносится большое количество чисто человѣческихъ угрозъ, такъ какъ чистое христіанское ученіе всегда имѣло своихъ ложныхъ толкователей, и можно сказать, что идея величія Божія и Его милосердія для многихъ еще остается совершенно непонятою. Такимъ образомъ въ средніе вѣка на человѣчество буквально сыпались проклятія и угрозы муками, ожидающими грѣшника послѣ смерти,—муками вѣчными и безысходными, отъ которыхъ не избавитъ никакое раскаяніе, такъ какъ раскаяніе имѣетъ силу только при жизни, и если человѣкъ не успѣетъ формально покаяться, онъ погибаетъ жестоко и безвозвратно. И милліоны существъ трепещутъ въ опасеніи внезапной смерти безъ покаянія.

Къ этому присоединяются представленія о страшной об-

становкѣ смерти, смутныя чувства и ощущенія, связанныя съ представленіемъ объ умершемъ. Вспомните то впечатлѣніе, которое произвелъ на васъ первый видѣнный вами трупъ. Это то же лицо, которое вы незадолго предъ тѣмъ видѣли живымъ, но въ немъ произошла перемѣна необыкновенная: оно приобрѣло выраженіе торжественности и тайны. Его глубокая неподвижность дѣлаетъ его неодолимо чуждымъ, между вами и имъ легла вѣчная грань, переступить которую не дано человѣку. И чѣмъ болѣе чуждымъ кажется вамъ это лицо, тѣмъ болѣе пробуждается въ вашей душѣ непокойное чувство, которое съ трудомъ поддается формулировкѣ и которое ближе всего можно назвать жуткостью.

Это своеобразное чувство обусловливается тѣмъ обстоятельствомъ, что при видѣ трупа мыслительный процессъ ослабляется, теченіе идей рѣзко нарушается и уже черезъ очень короткій промежутокъ времени, въ нѣсколько секундъ, при созерцаніи трупа, у человѣка остаются лишь какъ бы отголоски занимавшихъ его предъ тѣмъ мыслей, и въ душѣ возникаетъ чувство пустоты и сознаніе вѣчной отчужденности. Къ этому присоединяются нерѣдко мысли, связанныя съ трупомъ по воспоминанію о слышанныхъ нелѣпыхъ разсказахъ, и въ душѣ начинается шевелиться опасеніе: „а что если онъ встанетъ, какъ бы поднятый невидимой силой?“ Что можетъ послѣдовать, если трупъ дѣйствительно встанетъ, никто никогда себѣ не выясняетъ. Возникшая нелѣпая мысль можетъ повести за собою рядъ смутныхъ образовъ, которыми запугивали человѣка въ теченіе его жизни и особенно въ дѣтствѣ, и такимъ путемъ чувство жуткости, свойственное большинству людей, можетъ перейти въ настоящій страхъ. Такое вліяніе трупа иногда, очень велико, и многіе люди не могутъ чувствовать себя покойно даже въ томъ случаѣ, если покойникъ находится только въ одномъ домѣ съ ними.

Не малое значеніе въ тяжеломъ чувствѣ, возбуждаемомъ трупомъ, имѣютъ и подробности обстановки. Всегда нѣсколько тяжелый запахъ наводитъ на мысль о кладбищѣ, о

глубокой сырой могилѣ, и мысль о возможности находиться подъ громадною тяжестью земли справедливо кажется страшною тому, кому она приходитъ, такъ какъ всякій человѣкъ, переносящій себя на мѣсто другого, переноситъ себя такимъ, каковъ онъ самъ въ ту минуту, и достаточно, чтобы мысль о возможности быть заживо погребеннымъ мелькнула хотя на мгновение, чтобы понять весь ужасъ, который внушаетъ человѣку могила. А рядомъ находятся другія могилы, еще болѣе чуждыя и таинственныя, и если человѣкъ и на живыхъ чуждыхъ ему людей смотритъ съ нѣкоторымъ недоумѣемъ, то на чужія могилы онъ смотритъ уже со всѣмъ тѣмъ ужасомъ, который внушаетъ ему суевѣріе; и если ко всему сказанному мы прибавимъ мракъ ночи, усиливающееся въ темнотѣ чувство отчужденности отъ живыхъ, мысль о колеблющихся при невѣрномъ свѣтѣ крестахъ на пустынномъ кладбищѣ, о поднимающихся и также колеблющихся невѣроятно длинныхъ трупахъ, съ тяжкимъ воплемъ опять падающихъ на дно могилы, мы легко поймемъ, что мысль о смерти, со всей послѣдующей обстановкой, не можетъ не быть непріятна, и холодъ трупа, это первое свидѣтельство наступившей смерти, всегда будетъ приводить насъ въ содроганіе.

Это чувство, связанное съ трупомъ, привело къ тому, что смерть стала олицетворяться въ видѣ трупа. Въ XIII вѣкѣ она изображалась на подобіе муміи въ видѣ скелета, обтянутаго кожей. Затѣмъ, по мѣрѣ того, какъ анатомическія знанія становились болѣе точными, она принимала форму скелета, и въ XV вѣкѣ она изображалась уже весьма отчетливо, какъ скелетъ съ косою и серпомъ. Увѣренность въ томъ, что смерть существуетъ въ такомъ именно видѣ, въ дѣйствительности была такъ велика, что одинъ средневѣковый писатель увѣрялъ, что онъ видѣлъ однажды надъ опустошеннымъ чумою городомъ смерть въ видѣ скелета съ косою, носящуюся въ сопровожденіи ангела-истребителя.

Послѣднимъ источникомъ страха смерти является сожалѣніе объ улетающей жизни, о надеждахъ, оставшихся не-

осуществленными, о планахъ не выполненныхъ, которые могъ бы выполнить только умирающій и которые онъ долженъ унести съ собою въ могилу, не имѣя возможности даже передать ихъ другимъ, и чаще всего сожалѣніе о тѣхъ неиспытанныхъ радостяхъ жизни, которыя такъ хотѣлось испытать. Это чувство гнетущаго сожалѣнія, почти негодующаго протеста противъ смерти, можно видѣть чаще всего у здоровыхъ, но очень молодыхъ людей, которымъ смерть угрожаетъ только въ видѣ возможности. Проще и чище всего выражается это чувство у молодыхъ женщинъ при первой беременности, и можно сказать, что предъ силой сожалѣнія о своей молодой жизни совершенно блѣднѣютъ всѣ другіе элементы страха смерти: неизвѣстность, боль, привязанности—все отступаетъ на второй планъ: какая угодно боль, какія угодно страданія, только не смерть.

Зрѣлый возрастъ вноситъ въ душу человѣка новые элементы: сознаніе своей связи съ другими людьми, чувство долга, развитія альтруистическія чувства и привязанности, имѣющія глубокіе корни въ сознаніи необходимости своего существованія для цѣлаго ряда существъ, жизнь которыхъ сливается съ вашей и нерѣдко почти исключительно поддерживается вашею жизнью. Здѣсь впервые страхъ смерти является въ облагороженномъ видѣ, и нетрудно видѣть, что это чувство только по недоразумѣнію можетъ быть названо страхомъ смерти: это есть страхъ прекращенія необходимой для другихъ силы, которую человѣкъ въ себѣ носитъ, и легко понять, что то же чувство можетъ обусловить желаніе смерти, разъ жизнь ваша можетъ стать бременемъ для тѣхъ, кому она служитъ поддержкой.

Таковы, во всей ихъ совокупности, тѣ элементы, изъ которыхъ слагается страхъ смерти. Не всѣ они имѣютъ одинаковое значеніе для cadaго человѣка, и нерѣдко страхъ смерти формулируется только по отношенію къ какому-либо одному изъ этихъ элементовъ. „Страхъ смерти,—говорилъ, напримѣръ, Шопенгауэръ,—независимый отъ

всѣхъ нашихъ знаній—есть не что иное, какъ обратная сторона желанія жизни, которое воспламеняетъ насъ всѣхъ“. „Я боюсь не смерти,—говорилъ Монтень,—а умиранія“. „Можно не бояться смерти,—говорилъ А. Мюссэ,—но нельзя не бояться боли“. И каждому изъ насъ нетрудно отвѣтить для себя, какому моменту онъ придаетъ наибольшее значеніе.

Нами остался не разсмотрѣннымъ лишь тотъ элементъ страха смерти, который заключается въ чувствѣ неизвѣстности. Но само по себѣ чувство неизвѣстности не заключаетъ въ себѣ элементовъ страха. Это своеобразное чувство довольно трудно выдѣлить въ чистомъ видѣ, такъ какъ оно почти всегда соединяется съ чувствомъ ожиданія, слѣдовательно—съ чувствомъ опасенія и надежды. Несложненное чувство неизвѣстнаго появляется въ насъ лишь тогда, когда мы устремляемъ свое вниманіе, ничего не требуя и ничего не ожидая отъ предмета нашей сосредоточенности и не вкладывая никакого содержанія въ то, куда не можетъ проникнуть наша мысль. Спокойное, продолжительное созерцаніе безконечнаго пространства, въ которомъ носятся небесныя свѣтила, видъ безпредѣльно разстилающагося передъ нами океана, полупрозрачная масса воды, черезъ которую не можетъ проникнуть нашъ взоръ,—вотъ примѣры для условій возникновенія чувства неизвѣстнаго. Легко понятно, что это чувство можетъ возникнуть и по отношенію къ собственному будущему и по отношенію къ смерти, но повторяю, оно само не можетъ обусловить страха. Для того, чтобы появился страхъ или даже только опасеніе, необходимо чтобы возникло ожиданіе, т.-е. чтобы мы перенесли въ будущее картины, находящіяся уже въ нашемъ сознаніи въ настоящемъ.

Другими словами, страхъ предъ неизвѣстнымъ не есть самостоятельное чувство, а складывается изъ чувства неизвѣстнаго и того предположенія, которое мы дѣлаемъ относительно будущаго. Въ данномъ случаѣ это предположеніе есть наше представленіе о смерти со всѣми входя-

щими въ составъ его элементами, которые одни только и обусловливаютъ страхъ.

Нашей дальнѣйшей задачей будетъ разсмотрѣть, какова смерть въ дѣйствительности, въ какомъ отношеніи находится она къ возбуждаемому мыслью о ней страху и въ какой мѣрѣ страхъ этотъ можетъ быть оправданъ.

II.

Прежде всего, что касается инстинктивнаго страха смерти, то надо сказать, что утверждать съ положительностью его существованіе чрезвычайно затруднительно. Тѣ явленія страха, которыя можно наблюдать у животныхъ и которыя появляются при опасности дѣйствительной или воображаемой, если и могутъ быть разсматриваемы какъ страхъ, не могутъ, однако, считаться послѣдствіемъ страха мотивированнаго. Страхъ смерти безъ идеи смерти невозможенъ, и въ то же время совсѣмъ нельзя утверждать, что всякій страхъ заключаетъ въ себѣ, хотя въ зачаточномъ состояніи, идею гибели. Сочетаніе чувства страха съ идеей гибели есть фактъ человѣческаго сознанія, и, слѣдовательно, мы напрасно будемъ искать его въ сферѣ инстинктовъ. И дѣйствительно, если бы страхъ смерти имѣлъ значеніе инстинкта, какъ, напримѣръ, несомнѣнно имѣетъ значеніе инстинкта чувство самосохраненія, то онъ всегда, безъ всякаго исключенія, кромѣ рѣдкихъ случаевъ извращенія инстинктовъ, появлялся бы у человѣка при несомнѣнномъ приближеніи смерти даже въ тѣхъ случаяхъ, когда въ сознаніи не существовало бы никакихъ идей, кромѣ идеи приближенія смерти, и даже именно въ такихъ только случаяхъ мы и могли бы говорить объ инстинктивномъ страхѣ. Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что бываютъ случаи, когда при несомнѣнномъ сознаніи угрожающей смерти инстинктъ самосохраненія проявляетъ себя цѣлымъ рядомъ усилій съ цѣлью спасенія жизни, и въ то же время собственно страхъ смерти не появляется. О такого рода случаяхъ рѣчь будетъ ниже.

Слѣдовательно, мы не можемъ допустить существованіе специфичесаго страха смерти, какъ самостоятельнаго чувства, имѣющаго значеніе инстинкта. Это есть лишь сочетаніе чувства страха вообще съ идеей смерти.

Что же касается чувства страха вообще, то это есть опредѣленное чувство, обусловленное опредѣленнымъ физиологическимъ состояніемъ организма, которое состоитъ въ измѣненіи мозгового кровообращенія и нарушеніи дѣятельности сердца. Какъ и всякое чувство, страхъ хорошо знакомъ только тому, кто его испыталъ не только въ слабыхъ, но и въ сильныхъ степеняхъ, чѣмъ могутъ похвастаться далеко не всѣ. Чувство это въ первоначальныхъ степеняхъ выражается въ общемъ безпокойствѣ и нѣкоторомъ ослабленіи психическихъ задержекъ, другими словами: въ ослабленіи ассоціаціонныхъ сочетаній и въ возбужденіи двигательной сферы, что выражается въ неудержимомъ стремленіи къ бѣгству, которое и совершается съ необыкновенной быстротой. Въ болѣе сильныхъ степеняхъ страхъ парализуетъ нервы, задерживаетъ сердцебиеніе, расслабляетъ тонусъ мышцъ, и смертельно блѣдное тѣло, охваченное дрожью, покрывается холоднымъ потомъ, вмѣстѣ съ которымъ появляются и другія выдѣленія. Задержка дѣятельности сердца въ сильнѣйшихъ степеняхъ страха можетъ повести къ смерти. Если бы чувство страха вызывалось только грозящей жизни дѣйствительной или воображаемой опасностью, то анализъ этого чувства вообще былъ бы въ тоже время и анализомъ страха смерти. Но это совершенно не такъ. Моссо очень ярко описываетъ сильный страхъ, который онъ испыталъ при чтеніи первой лекціи, когда, взоидя на каедру, онъ совершенно позабылъ все, что онъ тщательно готовился сказать, и беспомощно озираясь кругомъ. Подобные примѣры извѣстны всѣмъ. Всѣмъ извѣстно также, что иногда видъ лягушки или паука можетъ повергнуть человѣка въ состояніе страха гораздо болѣе сильное, чѣмъ страхъ смерти. Наконецъ, страхъ неожиданности даже безъ всякой идеи о гибели можетъ

произвести такой же результатъ, и я знаю случай, гдѣ взрослый человѣкъ, весьма почтенный, разбилъ себѣ лобъ о запертую дверь, спасаясь отъ игрушечной мыши своей дочери.

Для насъ въ физиологическихъ условіяхъ страха имѣеть чрезвычайно важное значеніе то обстоятельство, что если вслѣдствіе внутреннихъ причинъ въ организмѣ произойдетъ измѣненіе мозгового кровообращенія и нарушеніе сердечной дѣятельности, подобное тому какъ бываетъ при страхѣ, вызванномъ внѣшними причинами, то появится такое же точно чувство страха уже безъ всякаго повода. Если при этомъ въ сознаніи будетъ какая-нибудь идея или образъ, страхъ свяжется съ ними, если нѣтъ, онъ останется неопредѣленнымъ, но не менѣе сильнымъ. Поэтому страхъ и появляется самостоятельно при извѣстныхъ разстройствахъ мозгового кровообращенія, ведущихъ къ нарушенію сердечной дѣятельности, какъ, на примѣръ, бываетъ при нѣкоторыхъ душевныхъ болѣзняхъ, когда больные внезапно охватываются безпричиннымъ ужасомъ; равнымъ образомъ это бываетъ и при разстройствахъ сердечной дѣятельности, ведущихъ къ нарушенію мозгового кровообращенія, что наблюдается при заболѣваніяхъ сердца. Подобныя же явленія могутъ временно наблюдаться и у душевно здоровыхъ людей и при здоровомъ сердцѣ въ зависимости отъ временныхъ нарушеній кровообращенія, на примѣръ, въ состояніяхъ сильнаго утомленія или истощенія нервной системы.

Появленіе такого страха можетъ не сопровождаться никакими идеями или образами. Это будетъ неопредѣленное чувство, въ началѣ подобное тому, что называется тревогой или предчувствіемъ, но затѣмъ, усиливаясь, оно можетъ вполне опредѣленно восприниматься какъ страхъ, безпричинный, но захватывающій все существо человѣка. Такой страхъ можетъ соединяться со всякимъ впечатлѣніемъ, которое привлечетъ къ себѣ вниманіе. „Я не знаю, чего я боюсь, говорятъ люди въ такомъ состояніи: вотъ дверь, двери боюсь, вы взойдете, васъ боюсь, боюсь и не могу

овладѣть своимъ страхомъ⁴. Идеи и образы, воспроизведенные, могутъ въ свою очередь соединяться съ этимъ чувствомъ страха, и недостаточный анализъ можетъ повести къ предположенію о причинной связи тамъ, гдѣ будетъ только связь сосуществованія. И если въ такомъ состояніи появится мысль о смерти, она естественно будетъ сопровождаться всѣми признаками сильнѣйшаго страха, который и будетъ испытываться человѣкомъ, несмотря на то, что у него можетъ быть совершенно иное отношеніе къ смерти въ покойномъ состояніи.

То же чувство страха, имѣющее происхожденіе въ нарушеніи дѣятельности сердца и сосудовъ, можетъ при нѣкоторыхъ условіяхъ производить впечатлѣніе совершенной безпомощности и слабости человѣка, который какъ бы внезапно постигъ всю глубину своего ничтожества и, охваченный ужасомъ, ждетъ наступленія страшнаго будущаго. Однако, психическое содержаніе даннаго момента не играетъ никакой опредѣляющей роли, и всякій психическій процессъ, всякое теченіе идей нарушается страхомъ иногда до полнаго прекращенія, и въ сознаніи господствуетъ только чувство страха.

Такого рода физиологическій страхъ нельзя поборотъ никакими разсужденіями, и онъ будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока не исчезнутъ вызвавшія его нарушенія кровообращенія и сердечной дѣятельности. Въ болѣе слабыхъ степеняхъ его, впрочемъ, какъ средства, регулирующія дѣятельность сердца, такъ и средства, вліяющія на мозговое кровообращеніе, могутъ значительно ослаблять его. Кромѣ средствъ фармацевтическихъ, здѣсь надо принять во вниманіе и чисто психическія вліянія, производящія отвлеченіе вниманія, слѣдовательно, измѣняющія распредѣленіе крови въ мозгу. Въ такихъ случаяхъ очень благоприятное вліяніе можетъ оказать присутствіе священника, даже безъ отношенія къ степени вѣры больного, и при болѣе слабыхъ степеняхъ страха—присутствіе просто такихъ людей, съ которыми возможенъ разумный разговоръ. Это одинъ изъ

случаевъ, гдѣ философъ можетъ оказать больному помощь подобно врачу, и одинъ изъ примѣровъ правильности замѣчанія Кабаниса: „дай Богъ, чтобы врачи философствовали“.

Такого рода страхъ появляется у многихъ сердечныхъ больныхъ при всякомъ ухудшеніи ихъ болѣзни и можетъ появиться также и при приближеніи смерти, хотя степень его обыкновенно не стоитъ въ зависимости отъ степени опасности для жизни.

Дѣйствительное приближеніе смерти прекращаетъ такой физиологическій страхъ. Этимъ обусловливается то поучительное явленіе, что часто послѣ чрезвычайно сильныхъ страданій и страха внезапно наступаетъ совершенное спокойствіе, и больные нерѣдко считаютъ себя выздоравливающими. Это несбыкновенное состояніе внезапнаго благополучія, являющееся уже дѣйствительнымъ предвѣстникомъ смерти, быть можетъ и обусловливаетъ неожиданную фразу: „я умираю“, которая произносится иногда незадолго до смерти.

Однако при этомъ надо имѣть въ виду, что далеко не легко опредѣлить съ достовѣрностью, существуетъ ли особое чувство или ощущеніе приближающейся смерти и насколько имѣетъ значеніе такъ называемое предчувствіе смерти. Не говоря уже о многочисленныхъ разсказахъ о случаяхъ предсказанія смерти другихъ и даже опредѣленія момента ея наступленія, которые разсматриваются въ настоящее время какъ явленія телепатіи и вслѣдствіе разнообразныхъ причинъ ускользаютъ отъ правильнаго научнаго анализа, вопросъ о предчувствіи смерти трудно рѣшить даже по отношенію къ умирающему. Существуетъ чрезвычайно распространенное мнѣніе, что человѣкъ всегда чувствуетъ приближеніе смерти, иногда задолго до ея дѣйствительнаго наступленія, и иногда можетъ даже предвидѣть смерть, наступающую вслѣдствіе случайныхъ причинъ.

Несомнѣнно, бываютъ случаи, когда больные, въ то время какъ окружающіе считаютъ ихъ состояніе даже измѣнившимся къ лучшему, заявляютъ болѣе или менѣе неожидан-

но: „я умираю“, и вскорѣ дѣйствительно наступаетъ смерть; но гораздо чаще этого не бываетъ и жизнь уходитъ совершенно незамѣтно. Слѣдовательно, даже уже наступающая смерть можетъ не вызвать никакого особаго чувства. И наоборотъ, очень нерѣдко больные заявляютъ по поводу всякой перемены къ худшему, что они умираютъ, что повторяется множество разъ, и однако дѣло оканчивается выздоровленіемъ.

Тѣмъ не менѣе нѣкоторые случаи заставляютъ оставить открытымъ вопросъ о возможности предчувствія своей смерти и даже допустить возможность такого предчувствія.

Такъ, напримѣръ, Феррари *) описалъ слѣдующіе случаи:

Одна молодая женщина, на видъ совершенно здоровая, внезапно почувствовала, что она должна умереть, поспѣшно ушла изъ дому, побѣжала въ церковь и потребовала священника, за которымъ сходили нарочно, исповѣдалась, бѣгомъ возвратилась домой и умерла. Между внезапно возникшею мыслью о смерти и внезапною смертью прошло около часа. При вскрытіи нашли лопнувшую аневризму.

Въ одномъ госпиталѣ истеричная больная съ легкимъ туберкулезомъ внезапно заявляетъ, что она должна умереть, требуетъ священника, громкимъ голосомъ произноситъ какую-то необыкновенную исповѣдь, вдругъ отсылаетъ священника, прежде чѣмъ онъ успѣлъ окончить, жалуется, получаетъ приступъ сильныхъ галлюцинацій, видитъ адъ и страшныхъ чертей, затѣмъ успокоивается, говоритъ: „я ухожу къ ангеламъ“, и умираетъ.

Примѣромъ изъ области телепатіи можетъ служить случай предсказанія своей смерти одной монахиней, отправлявшеюся на благотворительный базаръ въ Парижѣ, который окончился всѣмъ извѣстной катастрофой. Уходя, она будто бы сказала: „я сегодня умру, меня принесутъ домой обожженной“. И однако здѣсь рѣчь идетъ о несчастіи, которое всѣмъ кажется случайнымъ.

*) Revue scientifique, Janv. 1896.

Какъ въ этихъ, такъ и во всѣхъ извѣстныхъ намъ случаяхъ предчувствія своей смерти важно отмѣтить, что это предчувствіе никогда не сопровождается чувствомъ страха: это всегда какое-то своеобразное спокойствіе, какъ будто человѣкъ дѣйствительно на мгновение взглянулъ въ глаза смерти такой, какова она есть, безъ всякихъ прикрасть.

Но если физиологическій страхъ имѣетъ лишь косвенное отношеніе къ страху смерти и если предчувствіе даже близкой смерти не сопровождается чувствомъ страха, то уже несомнѣнный, мотивированный страхъ всегда возбуждаетъ мысль о боли и страданіяхъ умирающаго: „Хорошо умереть, тяжело умирать“, говорилъ Некрасовъ. „Можно не бояться смерти, но нельзя не бояться боли“, говорилъ А. де Мюссе.

Прежде всего намъ надо остановить свое вниманіе на томъ обстоятельстве, что боль имѣетъ свои границы, отъ чего бы она ни происходила, и слѣдовательно, не можетъ быть больше извѣстной силы ни при какихъ обстоятельствахъ.

Этотъ вопросъ представляетъ интересъ не только по отношенію къ страху смерти. Всѣмъ извѣстно, какое впечатлѣніе производитъ и оставляетъ послѣ себя боль и какое рѣзкое, инстинктивное стремленіе развивается въ человѣкѣ съ цѣлью избѣжать повторенія этой боли. Мы всѣ знаемъ боль отъ мелкихъ поврежденій, пораненій или ограниченныхъ воспалительныхъ процессовъ, зубныя боли, боли при заболѣваніи внутреннихъ органовъ. Какъ только боль становится очень сильной, она кажется намъ самой сильной, отъ какого бы страданія она ни происходила, и очень часто можно услышать разговоръ о томъ, что нѣтъ ничего ужаснѣе зубной боли, боли при мигрени, боли отъ ожога, смотря по тому, какого рода боль ярче вспоминается въ данный моментъ. Это интересное психологическое явленіе обусловливается тѣмъ обстоятельствомъ, что чувству боли соотвѣтствуетъ въ нашемъ организмѣ очень сложный процессъ, выражающійся измѣненіями сердечной и со-

судистой дѣятельности, вслѣдствіе чего кровообращеніе рѣзко нарушается. Въ психической сферѣ также происходятъ важныя измѣненія. Боль слабая и постоянная начинаетъ нарушать психическій процессъ сначала въ незначительной мѣрѣ. Какая-нибудь работа умственная или физическая въ свою очередь измѣняетъ кровообращеніе, чѣмъ обусловливается болѣе тупое ощущеніе боли или даже совершенное ея исчезновеніе. Это то, что называется отвлеченіемъ вниманія. Этого иногда бываетъ достаточно, чтобы совершенно прекратить на довольно продолжительное время болѣзненное ощущеніе, какъ, напримѣръ, это бываетъ при узкой обуви, при незначительномъ пораненіи и пр. Становясь сильнѣе, боль уже въ большей степени нарушаетъ психическій процессъ, мысль какъ бы останавливается на нѣкоторое время, и въ сознаніи ясно и отчетливо выступаетъ одно только ощущеніе боли. Черезъ нѣкоторое время ощущеніе это непремѣнно ослабѣваетъ, и мысли принимаютъ прежнее теченіе. Отвлеченіе вниманія становится все труднѣе и труднѣе и, наконецъ, при высшей степени боли становится совершенно невозможнымъ. Боль и только боль, и въ промежуткахъ, когда она ослабѣваетъ или прекращается, смутно возникаютъ отрывочныя мысли, которыя уже не могутъ сложиться въ прежніе правильные послѣдовательные ряды и опять исчезаютъ подъ вліяніемъ усиливающейся боли. Въ это время разсужденія окружающихъ о томъ, что нужно взять себя въ руки и усиліемъ воли подавить чувство боли, отвлечь свое вниманіе, а не распускаться, звучать положительною жестокостью, такъ какъ въ такіе моменты нѣтъ у человѣка болѣе ни мысли, ни вниманія, ни воли, а есть только единственно боль.

Такія состоянія почти всѣмъ извѣстны, но въ то же время никто не думаетъ, что ихъ можно равнять со страданіями умирающаго. Обожженный палецъ можно ли сравнить со смертію, съ прекращеніемъ жизни всего организма, съ процессомъ, который будетъ происходить въ глубочайшихъ тканяхъ, въ сердцѣ, въ легкихъ на глубинѣ вдоха, и каждому

невольно приходятъ на мысль отчаянныя усилія вздохнуть, которыя придется дѣлать, страшное нытье сердца и какая-нибудь неопредѣленная страшная боль. Агонія — слово въ большинствѣ случаевъ страшное для человѣка.

Въ этомъ намъ необходимо ориентироваться немедленно со всею возможною точностью.

Какъ уже было сказано, всякая боль имѣетъ предѣлъ, какъ и всякое ощущеніе, достигающее того, что называется высшей точкой ощущенія. Но высшая точка ощущенія далеко не соотвѣтствуетъ высшей точкѣ раздраженія.

Это обозначаетъ слѣдующее: мы воспринимаемъ изъ внѣшняго міра только небольшую часть совершающихся въ немъ процессовъ. Если, напримѣръ, струна колеблется менѣе 16 разъ въ секунду, мы не воспринимаемъ никакого звука. При большемъ числѣ колебаній мы будемъ слышать сначала низкій тонъ, затѣмъ все выше и выше, и когда колебанія достигнутъ 40.000 въ секунду, звукъ будетъ наиболѣе высокимъ, подобнымъ пронзительному свисту. При большемъ количествѣ колебаній, т.-е. при большей силѣ происходящаго внѣ насъ процесса, мы не воспринимаемъ уже ничего. Ощущеніе достигло высшей точки и не можетъ слѣдовать за дальнѣйшими измѣненіями въ колебаніяхъ струны.

Далѣе, если, вмѣсто того, чтобы увеличивать силу раздраженія, мы будемъ дѣлать его болѣе продолжительнымъ, то ощущеніе начнетъ ослабѣвать и можетъ на время совершенно прекратиться.

Это относится также и къ боли, и каждому извѣстно по собственному опыту, что самая сильная боль продолжается лишь нѣсколько секундъ, и продолжительная боль всегда воспринимается нами какъ колеблющееся ощущеніе, то болѣе сильное, то менѣе сильное.

Это было извѣстно очень хорошо во время господства пытокъ, и вы знаете, какъ ухищрялся человѣкъ, чтобы заставить страдать другого человѣка и какъ природа сумѣла поставить предѣлъ этому звѣрству.

Рванье, рѣзаніе, прижиганіе, раздавливаніе тѣла, съ какою бы силой оно ни производилось, давало въ результатѣ боль одной и той же силы. Попытка усилить боль распространенными раздраженіями также не вела ни къ чему. Боль была нисколько не больше, чѣмъ при раздраженіи небольшой части тѣла, потому что одно и то же ощущеніе боли, разъ оно достигло наибольшей высоты, не можетъ уже сдѣлаться больше. Взамѣнъ того, при приложеніи распространенныхъ раздраженій, при ломаніи и терзаніи рукъ, ногъ, туловища, силы организма быстро изсякали, и наступало безсознательное состояніе, въ которомъ мученіе переставало быть мукой. Тогда человѣка оживляли, давали ему отдохнуть и вновь мучили его по возможности мелкими раздраженіями: забивали колышки подъ ногти, вырывали волосы, обрѣзывали вѣки и заставляли смотрѣть на свѣтъ, жгли тѣло въ разныхъ мѣстахъ, и, къ удивленію, страдальцы оставались нерѣдко совершенно спокойными, повергая въ безсильную злобу своихъ палачей, не понимавшихъ, что они боролись не съ человѣкомъ, а съ непреложнымъ закономъ природы, переступить который не дано человѣческой злобѣ. Боль не можетъ быть сильнѣе извѣстной степени, и никакой палачъ не сумѣетъ этого добиться.

Чувствуя свое безсиліе люди прибѣгали къ другому способу: медленно капали въ ротъ воду, не давая вздохнуть, и такимъ образомъ держали человѣка въ состояніи крайняго напряженія, рассчитывая произвести у него состояніе умиранія, подобное агоніи и утратить его приближеніемъ смерти. И результатъ получался тотъ же: человѣкъ, поставленный въ безвыходное положеніе умиранія, захлебывался, дыханіе и кровообращеніе его затруднялось, общее напряженіе организма ослабляло его силы, и онъ погружался въ безсознательное состояніе. И надо было вновь ждать, чтобы мучить его также бесплодно.

Итакъ, боли есть предѣлъ. Что касается боли средней силы, то чувствительность къ ней колеблется и достигаетъ наибольшей силы при нѣкоторыхъ состояніяхъ, которыя

характеризуются общею раздражительностью, какъ это бываетъ, на примѣръ, при усталости, чаще при состояніяхъ истощенія нервной системы, не достигающаго однако большой степени, какъ это бываетъ, на примѣръ, при столь извѣстной всѣмъ неврастени. И страхъ боли при этомъ бываетъ обыкновенно больше.

Наоборотъ, слабѣ чувствуется боль при состояніяхъ общаго возбужденія и при состояніяхъ сосредоточенныхъ усилий, какъ, на примѣръ, во время сраженія, когда часто не замѣчаются даже значительныя раны и пр.

Значительная степень нервной слабости также ведетъ къ болѣ тупому воспріятію боли. Не надо забывать, что боль помимо своего субъективнаго значенія, своего психическаго характера, играетъ для организма роль чисто физическаго раздражителя и вызываетъ въ организмѣ рефлекторныя измѣненія, какъ: сжатіе сосудовъ, повышение кровяного давленія, измѣненіе сердечной дѣятельности, измѣненіе дыханія, расширеніе зрачковъ и, чѣмъ болѣе, слѣдовательно, будетъ понижена рефлекторная возбудимость нервной системы, тѣмъ менѣе будетъ восприниматься боль.

III.

Обращаясь къ вопросу о томъ, какъ наступаетъ въ дѣйствительности смерть, мы должны различать два рода смерти: смерть естественную и смерть наступающую вслѣдствіе случайныхъ причинъ, т.-е. смерть преждевременную.

Естественная смерть, вслѣдствіе старости, вслѣдствіе того, что организмъ совершилъ циклъ своего существованія, бываетъ не особенно часто.

Въ такихъ случаяхъ задолго до наступленія смерти начинается постепенное угасаніе жизни организма, отдѣльные органы отказываются служить далѣе, что происходитъ въ различной послѣдовательности и въ различные періоды, иногда довольно отдаленные отъ момента смерти. Въ однихъ случаяхъ ранѣе наступаетъ слабость зрѣнія, слуха, осязанія, въ другихъ болѣе замѣтны явленія упадка психи-

ческой дѣятельности. Основнымъ, характернымъ признакомъ старости является уменьшеніе способности воспріятія вообще. Будетъ ли идти рѣчь о зрительныхъ, слуховыхъ и т. д. воспріятіяхъ, или о воспріятіи отношеній, слѣдовательно объ ассоціаціяхъ, т.-е. о процессѣ чисто психическаго характера, старость воспринимаетъ и усваиваетъ гораздо слабѣе зрѣлаго возраста, и вновь воспріятыя впечатлѣнія именно въ силу этой слабости весьма неудовлетворительно сочетаются съ воспроизведеніями, съ тѣмъ запасомъ, который хранитъ для человѣка память прошлаго, вслѣдствіе чего, съ одной стороны, сужденіе о непосредственно окружающемъ становится недостаточно правильнымъ, такъ какъ воспоминанія, т.-е. прежнія нормы отношеній являются преобладающими, и старость невольно видитъ въ прошломъ и большую полноту жизни, и большія индивидуальныя силы и приходитъ къ заключенію о томъ, что подрастающее поколѣніе гораздо хуже и слабѣе, чѣмъ въ то далекое время, которое прошло безвозвратно. Не такъ легко дѣлаются отрицательныя сужденія о зрѣломъ поколѣніи, но это только потому, что зрѣлый умъ подчиняетъ себѣ старость, точно такъ же какъ онъ подчиняетъ себѣ юность; но лишь только процессъ ослабленія воспріятій подвинется еще немного дальше, само собой сложится сужденіе, что люди вообще теперь уже не тѣ, что были прежде, что изсякли въ чело- вѣчествѣ его прежнія доблести. И старикъ совершенно погружается въ свой міръ воспоминаній, которыя въ свою очередь постепенно слабѣютъ и суживаются. Человѣкъ продолжаетъ жить, незамѣтно оторвавшись отъ міра живыхъ людей, чуждый ихъ страстямъ и работѣ, постепенно переходя къ заботѣ о своей собственной личности, при чемъ эгоизмъ старости едва ли въ чемъ уступаетъ эгоизму дѣтства.

Мало-по-малу жизнь становится совершенно растительной, ограничиваясь только процессами питанія, при слабомъ мерцаніи вспыхивающихъ и вновь исчезающихъ воспомина- ній, слабость физическая постепенно усиливается, разви-

вается не только слабость движенья, но и быстрая утомляемость и наступает моментъ, когда жизнь начинаетъ тяготить человѣка.

„Если бы ты дожилъ до моихъ лѣтъ, говорила одна столѣтняя старуха, ты понялъ бы, что смерти можно не только не бояться, но желать и чувствовать въ ней потребность, какъ чувствуется потребность заснуть“.

И смерть наступаетъ дѣйствительно какъ сонъ, почти незамѣтно, не возбуждая притомъ почти никакого чувства утраты. То, что мы цѣнили и любили въ человѣкѣ, то, что онъ цѣнилъ и любилъ въ себѣ самъ, уже стало достояніемъ прошлаго, и страхъ смерти замѣнился медленно и постепенно желаніемъ смерти, которая приходитъ какъ избавленіе.

Но такая естественная смерть явленіе далеко не частое. Даже въ старости люди чаще умираютъ отъ случайныхъ болѣзней и отъ несчастныхъ случаевъ, не успѣвая дожить до дряхлости. Поэтому, мы обратимся къ разсмотрѣнію того какъ умираетъ человѣкъ, полный силъ и жизни, и постараемся понять, что скрываетъ въ себѣ его послѣдній часъ.

Здѣсь есть двѣ возможности: насильственная смерть совершенно здороваго человѣка и смерть отъ острой болѣзни.

Насильственная смерть здороваго человѣка въ свою очередь можетъ быть внезапной, быстрой и медленной.

Насильственная внезапная смерть совершенно безболѣзненна и не сопровождается вообще никакими ощущеніями, что достаточно извѣстно всѣмъ. Ударъ молніи, пуля, ножъ, сильно-дѣйствующій ядъ не оставляютъ человѣку даже времени воспринять ощущеніе, какое бы ни было. Это смерть, не имѣющая психологіи.

Наоборотъ, случаи быстро наступающей насильственной смерти представляютъ чрезвычайно большой интересъ. Сюда относятся случаи утопленія, сгоранія, повѣшенія, паденія съ высоты. О психическомъ состояніи, предшествующемъ потерѣ сознанія, мы можемъ судить въ такихъ случаяхъ по воспоминаніямъ людей, возвращенныхъ къ жизни послѣ несчастія. Такого рода наблюденій сдѣлано, правда, не особенно

много, но всё они настолько сходятся между собою въ существенныхъ чертахъ, что позволяютъ вывести положительное заключеніе.

Для примѣра я остановлюсь на слѣдующихъ случаяхъ.

Келлеръ*), купаясь однажды съ своими товарищами, попалъ въ омутъ. „Вѣроятно, я могъ бы выбраться оттуда, говоритъ онъ, какъ вдругъ я почувствовалъ, что меня хватаютъ за ногу. Это былъ одинъ изъ моихъ товарищей, который, подвергаясь смертельной опасности, отчаянно ухватился за меня. Въ это мгновеніе у меня мелькнула ясная мысль о смерти. Я отчетливо слышалъ крики учениковъ и учителей, которые старались образовать цѣпь, чтобы подать намъ помощь. Дважды вынырнувъ на поверхность, я видѣлъ на обоихъ берегахъ людей и посреди рѣки спасательную лодку. Я попытался крикнуть: это оказалось невозможнымъ,—вода вливалась мнѣ въ ротъ. И вотъ, что произошло во мнѣ. Я сказалъ себѣ, и мнѣ казалось, что я услышалъ эти слова извнѣ: „ты не увидишь своихъ родныхъ“. Затѣмъ родъ слабости неопредѣленной, скорѣе пріятной, сковалъ всё мои члены. Мнѣ показалось, что я поднимаюсь по бѣлой дорогѣ, какъ на моей родинѣ, которая круто и прямо поднимается по склону Вогезъ. При свѣтѣ солнца, въ тонкой атмосферѣ я едва касался ногами земли, одѣтый въ хорошо знакомое мнѣ платье и пѣлъ какую-то юношескую пѣсню. Затѣмъ ничего болѣе. Меня вытащили изъ воды, и я пришелъ въ себя только на берегу“.

Ливингстонъ рассказываетъ, какъ на него бросился левъ:

„Въ своемъ прыжкѣ онъ зацѣпилъ меня за плечо, и мы покатались вмѣстѣ. Съ страшнымъ рычаніемъ около самага моего уха онъ потрясъ меня. Толчокъ произвелъ во мнѣ ступоръ, оцѣпенѣніе, въ которое не входило ни ошущеніе боли, ни чувство страха, хотя я вполнѣ сознавалъ происшедшее. Это было похоже на то, что, говорятъ, испытываютъ пациенты при неполномъ хлороформированіи, которые

*) Revue philosophique, 3. 1896.

могутъ слѣдить за операціей, но не чувствуютъ боли. Со-
трясеніе уничтожило страхъ⁴.

Вимперъ во время одного восхожденія на гору упалъ съ
высоты нѣсколькихъ сотъ футовъ, скатываясь со скалы на
скалу, пока не попалъ въ кучу снѣга на краю пропасти.
Онъ увѣряетъ, что падая и получая одинъ за другимъ удары,
онъ не чувствовалъ боли и не потерялъ сознанія, но спо-
койно размышлялъ о томъ, что еще нѣсколько такихъ уда-
ровъ его совершенно докончатъ.

Геймъ*), самъ упавшій однажды съ горы, собиралъ свѣдѣ-
нія о другихъ упавшихъ и пришелъ къ заключенію, что
почти во всѣхъ случаяхъ можно было отмѣтить, начиная отъ
момента паденія до момента удара и потери сознанія: 1.
Чувство блаженства. 2. Анестезію осязательную и болевую,
тогда какъ зрѣніе и слухъ сохраняютъ свою нормальную
остроту. 3. Необыкновенную быстроту мысли и воображе-
нія. 4. Во многихъ случаяхъ вся прошлая жизнь проносится
предъ глазами.

Чрезвычайный интересъ представляетъ слѣдующее на-
блюденіе Монтеня:

Одинъ всадникъ сильнымъ ударомъ былъ выбитъ изъ
сѣдла и отброшенъ далеко отъ лошади. Его люди под-
няли его безъ сознанія и безъ движенія. Его вырвало боль-
шимъ количествомъ крови, и очень медленно онъ сталъ при-
ходить въ себя. Объ этихъ моментахъ, когда онъ былъ чуть
живъ, онъ сохранилъ отчетливое воспоминаніе. „Когда я
началъ видѣть, рассказываетъ онъ,—это видѣніе было такъ
смутно, такъ слабо, такъ мертво, что я едва только могъ
различать свѣтъ. Затѣмъ я увидѣлъ себя покрытымъ кровью,
и моею первою мыслью было, что я раненъ пулей въ голову,
тѣмъ болѣе, что вокругъ насъ раздавались выстрѣлы. Мнѣ
казалось, что моя жизнь держалась только на кончикѣ губъ.
Я закрылъ глаза, чтобы помочь ей выйти наружу, и мнѣ было
пріятно нѣжиться и предоставить все самому себѣ. Это бы-

*) Egger. Le moi des mourants. Revue philosophique, 1. 1896.

ло воображеніе, которое поверхностно скользило по моей душѣ, такое же нѣжное и слабое, какъ и все остальное, но, по справедливости, не только не непріятное, но смѣшанное съ той пріятностью, которую испытываютъ тѣ, кто отдается медленно наступающему сну. Я думаю, что въ такомъ же состояніи находятся тѣ, которыхъ видятъ въ состояніи слабости въ агоніи, и думаю, что мы ихъ сожалѣемъ безъ основанія, полагая, что они испытываютъ сильныя боли или что ихъ душа охвачена тягостными размышленіями. Я всегда думалъ, что даже тѣ, которые ворчатъ, вздыхаютъ, движутся имѣютъ и душу и тѣло какъ бы заснувшими“.

Намъ нѣтъ надобности приводить другіе примѣры, такъ какъ и приведенныхъ вполне достаточно, чтобы видѣть, что страхъ смерти совершенно не появляется, какъ только наступаетъ дѣйствительная смерть. Правда, Келлеръ говоритъ, что въ первые моменты, когда онъ дѣлалъ отчаянныя усилія выскочить изъ воды, онъ испытывалъ сильный страхъ, но это могло быть только очень неясное чувство, такъ какъ чрезвычайныя физическія усилія не могли дать возможности развиться чувству вполне опредѣленному, и затѣмъ у Келлера очень быстро наступило состояніе блаженства. Это состояніе блаженства отмѣчено почти во всѣхъ случаяхъ безъ исключенія. Только Ливингстонъ говоритъ о совершенномъ спокойствіи оцѣпенія. Солье *) полагаетъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ состояніемъ, тѣсно связаннымъ по своему происхожденію съ анестезіей, которая отмѣчена также всѣми, и такого рода толкованіе надо считать въ высшей степени вѣроятнымъ, какъ мы увидимъ далѣе.

Итакъ, быстрая насильственная смерть не имѣетъ въ себѣ рѣшительно ничего устрашающаго: въ ней нѣтъ ни одного изъ тѣхъ моментовъ, которые производятъ въ насъ страхъ смерти.

Насильственная смерть, сопровождаемая мученіями, можетъ служить наиболѣе яркимъ примѣромъ того, чего мы

*) Revue philosophique, 3. 1896.

Вопросы философіи кн. 43.

боимся въ физическомъ отношеніи. Этого рода смерти я уже касался, говоря о смерти во время пытокъ. Боли есть предѣлъ. При самыхъ страшныхъ мученіяхъ она не превосходить тѣхъ степеней, которыя всѣмъ намъ извѣстны, при продолжительности мученій воспринимается тупо и, наконецъ, исчезаетъ совсѣмъ вслѣдствіе затемнѣнія сознанія, что можетъ задолго предшествовать смерти. Слѣдовательно, и здѣсь, уже при первыхъ признакахъ своего наступленія, смерть является средствомъ болеутоляющимъ, и можно сказать, что боль замираетъ всегда раньше смерти. И снова смерть наступаетъ какъ сонъ. У нѣкоторыхъ мучениковъ пытки развивалось уже въ самомъ началѣ мученій, даже во время приготовления пытокъ, особое состояніе, среднее между обморокомъ и гипнотическимъ сномъ, что чаще бывало у женщинъ, что и называлось „сномъ вѣдмъ“, и предназначенныя къ сжиганію на кострѣ несчастныя, заснувъ раньше, чѣмъ костеръ былъ зажженъ, безмятежно переходили въ другой міръ, не двинувъ ни однимъ членомъ. Это явленіе, конечно, исключительное, но по своей сущности оно имѣетъ для насъ значеніе общее, которое заключается въ томъ, что прежде, чѣмъ умереть, мы перестаемъ чувствовать, совершенно независимо отъ того, велики или малы были передъ тѣмъ наши страданія.

Смерть отъ острыхъ болѣзней мало чѣмъ отличается отъ сказаннаго. Если кто изъ васъ перенесъ какую-нибудь острую болѣзнь, не сопровождавшуюся затемнѣніемъ сознанія, то тѣ боли, которыя онъ при этомъ испыталъ, и есть выраженіе сильнѣйшихъ страданій умиранія, такъ какъ при неблагопріятномъ оборотѣ болѣзни очень скоро стало бы затемняться ваше сознаніе, и вы умерли бы такъ же, какъ вы засыпаете.

Совершенно тоже надо сказать и о всякой болѣзни, какъ бы длительно ни было ея теченіе: боли свойственны болѣзни, а не смерти, и сильная боль никакъ не есть еще грозный признакъ. Чтобы покончить съ этимъ, я напомнимъ

вамъ какую - нибудь боль, болѣе или менѣе продолжительную: зубную боль, боль послѣ ожога. Припомните моментъ засыпанія. Быть можетъ, вамъ приходилось проводить безсонныя ночи отъ боли, и вы знаете, что наступаетъ моментъ, когда вы тѣмъ не менѣе засыпаете. Обыкновенно это опредѣляется такъ: боль стала меньше, и я заснулъ. Въ дѣйствительности же совсѣмъ нельзя такъ опредѣленно формулировать происходящее. Легко возможно, и во множествѣ случаевъ такъ это и есть, что мы имѣемъ обратный процессъ: я сталъ, наконецъ, засыпать, и пересталъ чувствовать боль.

Такъ или иначе этотъ моментъ является тождественнымъ съ умираніемъ. Слова: „сонъ есть братъ смерти“ не есть простая фраза. Это выраженіе дѣйствительно существующаго не только сходства, но тождества двухъ психическихъ состояній.

Это важно имѣть въ виду, потому что много людей желаютъ выразить свой страхъ смерти, не какъ страхъ боли, а какъ страхъ потери сознанія: „должно быть ужасно, говорятъ они: погрузиться въ вѣчную тьму и чувствовать наступленіе этого страшнаго, безпросвѣтнаго мрака“. При этомъ забывается, конечно, что потерять сознаніе и чувствовать—это двѣ вещи, исключая другъ друга, и что потеря сознанія или совершается незамѣтно, или сопровождается даже пріятнымъ чувствомъ, какъ при наступленіи сна, чѣмъ быть можетъ объясняется отчасти и кроткое, нерѣдко радостное, выраженіе лица умирающаго. Никто изъ насъ не боится заснуть, а засыпаніе есть типическая форма потери сознанія, и можно бы сказать безъ преувеличенія, что мы умираемъ каждый день.

Наконецъ, необходимо обратить вниманіе на интересное и недостаточно понятное для насъ явленіе, сопровождающее смерть: это чувство благополучія, развивающееся при приближеніи смерти, такъ называемая эуфорія умирающихъ. Можетъ быть, это обусловливается недостаточнымъ окисленіемъ крови при ослабленіи дѣятельности сердца и

легкихъ можетъ быть здѣсь играетъ роль предсмертное пониженіе возбудимости нервныхъ центровъ, производящее потерю чувствительности,—фактъ заключается въ томъ, что нѣкоторые больные при приближеніи смерти, иногда даже за нѣсколько дней до ея наступленія, приходятъ въ состояніе ясно выраженнаго блаженства, т. е. происходитъ не только прекращеніе болѣзненныхъ и тягостныхъ ощущеній, но возникаетъ, кромѣ того, и положительное пріятное общее чувство. Появленіе такого чувства благополучія уже совершенно лишаетъ смерть ея страшнаго образа, такъ какъ наступленіе ея происходитъ не только безъ страха и страданій, но и безъ всякаго ожиданія со стороны умирающаго.

Въ нѣкоторыхъ рѣдкихъ случаяхъ боли продолжаютъ съ значительной силой почти до послѣднихъ минутъ, не давая умирающему никакой возможности собраться съ мыслями, и ни общая слабость организма, ни эуфорія не приходятъ къ нему на помощь. Тогда могутъ еще оказать помощь искусственныя мѣры, и врачъ въ значительной мѣрѣ можетъ ослабить страданія. Это вопросъ такъ называемой эутаназіи—искусства облегчать послѣдніе моменты жизни человѣка.

Мною не были упомянуты случаи медленной насильственной смерти, напримѣръ, смерти отъ голода, угрожающей иногда путешественникамъ. Здѣсь существуютъ несомнѣнно продолжительныя страданія, которыя однако, не имѣютъ никакого отношенія къ смерти. Когда же приближается смерть, она наступаетъ со всѣми своими обычными свойствами: то же прекращеніе страданій, то же чувство блаженства, часто сопровождаемое галлюцинаціями, и смерть наступаетъ подобно сну съ пріятными сновидѣніями, какъ это всѣмъ извѣстно относительно замерзанія.

Такова смерть въ дѣйствительности. Быть можетъ, покажется страннымъ, что я ничего не говорю объ агоніи, о хрипѣннн умирающаго, о закатываніи глазъ, о беспорядочныхъ судорожныхъ движеніяхъ,—словомъ, о томъ, что наво-

дять такой ужасъ на всѣхъ окружающихъ и чѣмъ, по мнѣнію очень многихъ, и характеризуется главнымъ образомъ наступленіе смерти. Но эти явленія происходятъ уже послѣ потери сознанія. Человѣкъ въ это время уже умеръ и только, по недоразумѣнію, можно предполагать, что онъ еще что-нибудь чувствуетъ, и искать въ послѣднихъ процессахъ, протекающихъ въ тѣлѣ, уже улетѣвшую душу, и, слѣдовательно, агонія не представляетъ для насъ совершенно никакого интереса.

Итакъ, мы должны прійти къ заключенію, что смерть ничѣмъ не можетъ пугать насъ сама по себѣ, такъ какъ все то, чего мы боимся въ ней, присуще жизни, а не смерти.

IV.

Что касается угрызений совѣсти, то они могутъ стать источникомъ страха лишь при томъ предположеніи, что въ послѣдній часъ всѣ страшныя воспоминанія, которыя человѣкъ тщетно старался заглушить въ себѣ въ теченіе всей своей жизни, и, кромѣ того, многіе, недостаточно сознанные въ свое время поступки вновь предстанутъ со всей своей силой, и вновь придется переносить невыносимую нравственную пытку, какъ это предсказывалъ Николь.

Въ дѣйствительности относительно этого намъ извѣстно немного. Разказы о томъ, что въ моментъ наступленія смерти предъ человѣкомъ проносится вся его жизнь, въ большинствѣ случаевъ не подтверждаются наблюденіями надъ умирающими, и лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно найти относящіяся сюда указанія. Такъ, уже въ приведенныхъ выше случаяхъ насильственной быстрой смерти мы видѣли, что Геймъ указывалъ на то, что во многихъ случаяхъ паденія наблюдалось какъ бы возникновеніе воспоминаній о всей прошлой жизни.

О себѣ Геймъ рассказываетъ слѣдующее: „То, что я испыталъ въ теченіе нѣсколькихъ секундъ моего паденія, я долженъ бы рассказывать въ теченіе цѣлаго часа. Всѣ мысли и образы представлялись мнѣ съ точностью и ясно-

стью необыкновенными“. Затѣмъ онъ рассказываетъ о практическихъ соображеніяхъ относительно способовъ ослабить результаты паденія и его вѣроятныхъ послѣдствійхъ. „Затѣмъ я увидѣлъ всѣ факты моей жизни, развертывающіеся предо мною въ безчисленныхъ образахъ“.

Господинъ Л., директоръ Нормальной школы въ одномъ изъ городовъ Франціи, сообщилъ Эггеру*) слѣдующее наблюденіе:

Когда ему было 8 лѣтъ онъ упалъ въ колодезь. „Я вспоминаю,—говоритъ онъ,—что въ теченіе нѣкотораго времени, которое я не могу опредѣлить, но которое мнѣ показалось безконечно длиннымъ, я бился въ надеждѣ найти ступеньки и вскарабкаться по нимъ. Потомъ у меня явилось ощущеніе очень ясное, что всякое усиліе бесполезно и что я долженъ умереть, и я остался неподвижнымъ, въ то время какъ вода втекала мнѣ въ ротъ и въ уши съ громкимъ бульканіемъ. Тотъ фактъ, что я слышалъ еще этотъ шумъ, показываетъ, что я упалъ всего нѣсколько секундъ предъ тѣмъ. Тогда въ моемъ сознаніи самостоятельно развернулся послѣдовательный рядъ, чрезвычайно быстрый и калейдоскопичный, многочисленныхъ эпизодовъ моей жизни, очевидно тѣхъ, которые произвели на меня наибольшее впечатлѣніе и въ то время образовали главное содержаніе моего я. Я говорю послѣдовательный рядъ съ умысломъ, такъ какъ мнѣ кажется, что эти образы не были одновременными. Я думаю, что могу, кромѣ того, утверждать: 1) что я не видалъ всѣхъ моментовъ моей жизни и что были пробѣлы, 2) что образы проносились въ извѣстномъ порядкѣ, именно въ обратномъ хронологическомъ порядкѣ. Они были чрезвычайно интенсивны и отчетливы и проецированы вовнѣ: я видѣлъ самого себя объективно, какъ другого. Вотъ тѣ образы, которые остались въ моей памяти: представленіе ученыхъ собакъ, которое давалось нѣсколько дней тому назадъ; нѣсколько сценъ изъ

*) Revue philosophique, т. 1896.

моей школьной жизни: споры съ товарищами, уроки, споры изъ за мѣсть, раздача наградъ; затѣмъ представленіе религіозныхъ церемоній (я былъ въ хорѣ); обстоятельства смерти моихъ родителей, особенно моей матери; наконецъ, сильный страхъ, испытанный мною за два года предъ тѣмъ, воспоминаніе о которомъ у меня осталось быть можетъ потому, что этотъ моментъ служилъ для меня опознавательнымъ пунктомъ: однажды лѣтомъ во время бури солнце безъ лучей казалось чрезъ облака кровавымъ шаромъ, и я думалъ, что оно должно было потухнуть и наступить конецъ міра, и провелъ весь остатокъ дня въ крайнемъ ужасѣ, удивленный, однако, равнодушіемъ другихъ.

Періодъ моей жизни, прошедшій, въ образахъ, не простирался, конечно, до моего ранняго дѣтства и охватывалъ три или четыре года, потому ли, что за предѣлами этого времени я не имѣлъ болѣе воспоминаній, потому ли, что теченіе образовъ было прервано обморокомъ. Я, дѣйствительно, уже потерялъ сознаніе, когда сосѣдка вытащила меня изъ воды“.

Другія наблюденія совершенно аналогичны приведеннымъ. Ихъ анализъ показываетъ, что воспоминанія возникаютъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, но никогда нельзя утверждать съ положительностью, что рѣчь идетъ о всей жизни, проносимой предъ умирающимъ. Это или отдѣльные факты, съ необыкновенною отчетливостью появляющіеся въ сознаніи въ видѣ зрительныхъ образовъ, или болѣе или менѣе связанные между собою ряды воспоминаній. Это—явленіе, свойственное всякому рѣзкому нарушенію кровообращенія въ головномъ мозгу, и оно можетъ наблюдаться при различныхъ условіяхъ и безъ всякаго отношенія къ смерти, напримѣръ, при аффективныхъ состояніяхъ.

Съ другой стороны, быстрота смѣны этихъ образовъ такъ велика, что безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что они успѣваютъ только сверкнуть въ сознаніи и уже смѣняются другими или же совершенно исчезаютъ вслѣдствіе затемнѣнія сознанія.

Поэтому въ случаяхъ внезапной или быстрой смерти, никакія угрызенія совѣсти невозможны, если даже мы и допустимъ, что именно дурные поступки всплывутъ предпочтительно въ сознаніи умирающаго. Для угрызеній совѣсти не остается времени при такихъ условіяхъ. Слѣдовательно, угрызенія совѣсти не могутъ стоять въ зависимости отъ наступленія смерти, и ихъ надо искать лишь въ случаяхъ смерти, медленно наступающей и сознательно ожидаемой. Раненый, оставленный въ полѣ сраженія, больной, прикованный къ своей постели и сознающій опасность своего положенія, приговоренный къ смертной казни и т. п., конечно, имѣютъ возможность и время для размышленія, и эти размышленія непременно будутъ направлены или на прошлое или на будущее за предѣлами гроба, или на остающихся въ живыхъ или, наконецъ, на самую смерть, особенно, если человѣкъ ожидаетъ ее со страхомъ. Само собой разумѣется, что чѣмъ менѣе человѣкъ привыкъ къ размышленію вообще и чѣмъ менѣе онъ размышлялъ о тѣхъ серьезныхъ вопросахъ, съ которыми онъ встрѣчается лицомъ къ лицу, тѣмъ болѣе будетъ смущенія и чувства безвыходности въ его душѣ. Естественно, если среди воспоминаній будетъ находиться много такихъ, которыя тревожатъ совѣсть человѣка, они будутъ еще болѣе усиливать душевную смуту, врываясь въ сознаніе въ сопровожденіи ряда тягостныхъ чувствъ. И такое состояніе будетъ тѣмъ болѣе тягостнымъ, что человѣкъ принужденъ оставаться пассивнымъ. Въ моментъ пассивнаго ожиданія вообще, человѣкъ, предоставленный своимъ мыслямъ и не привыкшій размышлять, переживаетъ цѣлый рядъ внутреннихъ затрудненій, и безвыходность его положенія, равно какъ степень душевныхъ страданій, будутъ чрезвычайно велики. Потеря состоянія, неожиданное большое несчастье, даже всякая неожиданная переменна обстоятельство, въ родѣ неожиданнаго богатства, могутъ произвести въ нѣкоторыхъ случаяхъ непоправимую смуту въ душѣ человѣка, болѣе сильную, чѣмъ произведетъ у него приближеніе смерти. И здѣсь также

надо сказать, что наступающая смерть принесетъ успокоеніе смущенной душѣ и прекратитъ безплодныя муки человѣка, не успѣвшаго осмыслить свою жизнь.

Но нѣтъ сомнѣнія, что человѣкъ, позабывшій о смерти и не принявшій на этотъ случай никакого рѣшенія, будетъ непремѣнно захваченъ въ одинъ прекрасный день врасплохъ и попадетъ въ безвыходное положеніе совершенно такъ же, какъ человѣкъ, позабывшій срокъ какого-нибудь важнаго условія. Значеніе смерти здѣсь не имѣетъ ничего специфическаго, и не приготовленный къ ней человѣкъ, даже безъ всякаго страха, соединеннаго съ мыслью объ умираиіи, непремѣнно потеряетъ голову. И, въ свою очередь, человѣкъ, принявшій на случай смерти какое бы ни было рѣшеніе, сколько-нибудь законченное, будетъ непремѣнно избавленъ отъ цѣлага ряда внутреннихъ противорѣчій и волненій, связанныхъ съ мыслью о смерти.

Относительно связанныхъ съ мыслью о смерти представлений о могилѣ, гробѣ, мракѣ, тяжести и пр., достаточно сказать, что они, наводя суевѣрный ужасъ, проявляютъ свое наибольшее вліяніе не въ страхѣ смерти собственно, а въ страхѣ быть заживо-погребеннымъ.

Лишь нѣсколькими словами я долженъ ограничиться относительно страха смерти, въ зависимости отъ религіозныхъ идей о загробной жизни. Послѣдователь Конфуція, не имѣющій опредѣленной идеи о загробной жизни, относится къ смерти исключительно съ точки зрѣнія уничтоженія. Магометанинъ, получающій за смерть въ бою непосредственную награду, можетъ искать смерти. По христіанско-

ученію, страхъ смерти есть грѣхъ, такъ какъ смерть есть воля Божія и исканіе смерти есть грѣхъ еще большій. Человѣческія страданія могутъ быть такъ велики, что невольно можетъ прійти въ голову мысль о смерти, какъ объ избавленіи, разъ нѣтъ надежды на возможность избавленія другимъ путемъ. Эта мысль такъ естественна, что она не приходила только тому, кто не знаетъ, что такое страданіе, но сила христіанина и заключается въ терпѣніи не

только страданій отъ тирановъ и мучителей, но и тѣхъ, которыя производитъ болѣзнь, какъ говорилъ Златоустъ, и христіанское ученіе всѣми силами старается поддержать въ душѣ человѣка надежду—этотъ вѣрнѣйшій источникъ внутренней силы.

Но возможны ложныя толкованія самыхъ непреложныхъ истинъ и самыхъ чистыхъ ученій, и страхъ загробной жизни можетъ совершенно преодолѣть даже несомнѣнно существующій страхъ смерти. „Два, три дня мукъ, — говорила Виталія *),—ничто въ сравненіи съ муками вѣчными. Подумай,—поясняла она каждому,—можешь ли ты пересчитать дождевыя капли: сколько капель въ дождѣ, столько лѣтъ муки въ аду; лучше два, три дня мукъ въ ямѣ и—царствіе небесное“. И два съ половиною десятка людей погребли себя заживо, погубивъ съ собою дѣтей и подростковъ.

Многіе другіе десятки и сотни сожгли себя живыми. Всѣ знаютъ эти мрачныя проявленія религіозныхъ заблужденій русскаго народа. Для насъ они могутъ служить яркимъ примѣромъ того, къ какому извращенію естественныхъ отношеній могутъ привести человѣка господствующія въ его сознаніи идеи и какую относительно малую роль въ сравненіи съ ними имѣютъ смутныя чувства, связанныя съ незаконченными образами, хотя бы эти чувства и поддерживались инстинктами.

Съ этимъ значеніемъ идеи мы сейчасъ встрѣтимся опять.

Теперь же необходимо обратить вниманіе на то обстоятельство, что страхъ смерти считается многими источникомъ нравственности. „Нравственность вошла въ міръ черезъ смерть“, — говорилъ Шатобріанъ. Исходя изъ этой точки зрѣнія, множество писателей, большихъ и малыхъ, описываютъ смерть мрачными красками, и описанія ихъ наводятъ невольный трепеть. Человѣкъ отъ всей души желалъ бы избѣжать того ужаса, которымъ ему грозятъ, но не знаетъ, какъ это сдѣлать. Напугавшій его писатель удо-

*) Сикорскій. Эпидемическія вольныя смерти и смертоубійства въ Терновскихъ хуторахъ. Вопр. нервно-псих. мед. 3. 1896.

влетворился причиненнымъ имъ страхомъ и позабылъ или не могъ указать исхода, и по справедливости надо сказать, что множество описаній смерти, слѣданныхъ съ цѣлью нравственнаго исправленія человѣка, есть не что иное, какъ выраженіе страха смерти самихъ писателей.

Что же касается значенія смерти, какъ стимула для нравственнаго совершенствованія, то здѣсь, очевидно, мы имѣемъ дѣло съ крупнымъ недоразумѣніемъ: нравственное совершенствованіе съ помощью страха, по существу то же самое, что пробужденіе благородныхъ чувствъ съ помощью тѣлеснаго наказанія. Нравственность, основанная на страхѣ, есть нравственность раба, и проповѣдь такого страха можетъ происходить только изъ недостаточно яснаго пониманія источника положительныхъ нравственныхъ чувствъ. Страхъ смерти можетъ быть полезенъ только въ одномъ отношеніи: онъ служитъ постояннымъ препятствіемъ къ самоубійству, но ту же роль играетъ и чувство самосохраненія, и надежда, и нѣкоторые другіе моменты, разсмотрѣнію которыхъ мѣшаетъ недостатокъ времени. Но и борьба съ самоубійствомъ, какъ и со всякимъ зломъ, происходящимъ отъ слабости человѣка, не можетъ идти при помощи фантомовъ, какимъ, по справедливости, является смерть.

Слѣдовательно, не такъ тяжело умирать. Хорошо или нѣтъ умереть, это совершенно зависитъ отъ того отношенія, которое у каждаго изъ насъ существуетъ къ своей собственной жизни. Этимъ и опредѣляется значеніе смерти. Но вытекающее отсюда отношеніе къ смерти, какъ къ факту уничтоженія, не имѣетъ ничего общаго съ чувствомъ страха по существу. Это чувство скорѣе можетъ быть названо грустью, которая легко возбуждается въ насъ мыслью о безжалостномъ уничтоженіи смертью лучшихъ силъ человѣчества. Но это чувство смягчается другимъ: смерть уноситъ не только цѣнныя жизни, прекращаетъ не только индивидуальныя силы, направленные къ добру, но уноситъ также и многое злое изъ міра и въ концѣ концовъ является

великимъ примирителемъ. Въ этомъ примиряющемъ значеніи смерти весьма многіе люди усматриваютъ ея великій смыслъ, и готовы даже благословлять смерть.

Средніе вѣка завѣшали своеобразное отношеніе къ смерти, какъ къ символу равенства людей. Въ то время, когда господствовали мрачныя идеи и образы, когда смерть носилась надъ землею въ видѣ скелета, создавалась и идея танца смерти: множество скелетовъ, сцѣпившись руками, неслись въ бѣшеннои пляскѣ. Рассказываютъ*), что танецъ этотъ произошелъ слѣдующимъ образомъ: однажды въ Дармштадтѣ, во время Пасхи, какъ разъ въ то время, когда въ церкви происходила служба, толпа нечестивцевъ пришла плясать предъ церковью. Богъ проклялъ этихъ людей, и Его проклятіе произвело немедленно свое дѣйствіе. Увлекаемые адскимъ вихремъ, эти люди принялись кружиться съ дикимъ увлеченіемъ, и ни одинъ изъ нихъ не могъ ни на мгновеніе выпустить руки другого. Услышавъ этотъ страшный шумъ, причетникъ вышелъ на паперть посмотрѣть, что тамъ происходитъ, и увидѣлъ свою дочь среди проклятыхъ танцующихъ. Онъ бросился къ ней и схватилъ ее за руку, чтобы вырвать ее изъ адскаго круга. Напрасное усиліе: ея рука осталась въ его рукахъ и дочь его продолжала, тѣмъ не менѣе, свое движеніе съ головокружительной быстротой. Сила движенія проклятыхъ была такъ велика, что они вырывали подъ своими ногами яму, которая увеличивалась мало-по-малу. Такъ танцовали они безъ остановки цѣлый годъ и въ тотъ самый часъ, какъ они начали свой танецъ, они упали въ яму, вырытую ихъ ногами.

Этотъ танецъ знаменовалъ собою равенство людей и въ тысячахъ изображеній распространялся повсюду.

Эта идея равенства въ смерти и до настоящаго времени находить себѣ поклонниковъ, хотя, по справедливости чрезвычайно трудно понять ея значеніе. Можно понять, что въ то время, когда равенство на землѣ считалось совершенно невозможнымъ, идея равенства даже

*) Gener. La mort et le Diable, 1880.

такъ элементарно и уродливо выраженная, какъ идея равенства передъ смертью, могла удовлетворять человѣка. Но это едва ли возможно въ настоящее время: равенство за гробомъ отрицается религіозными ученіями и самымъ простымъ соображеніемъ: Ньютонъ умеръ, такъ же, какъ закопавшій его могильщикъ; съ какого момента они стали равны другъ другу и въ чемъ выражается это равенство? Не въ томъ ли, что они оба превратились въ прахъ? Но развѣ характернымъ отличіемъ Ньютона было его тѣло, и развѣ идеи Ньютона также обратились въ прахъ? И если свойства праха, заключающіяся въ насъ, являются элементомъ равенства, то чѣмъ смерть отличается въ этомъ отъ нашего рожденія отъ женщины, для всѣхъ насъ одинаковаго? И однако, люди сумѣли рожденіе сдѣлать элементомъ различія, отыскивая въ то же время равенство въ смерти. Человѣчество всегда проявляло лишь частичное пониманіе самыхъ простыхъ отношеній, и въ данномъ случаѣ мы имѣемъ одинъ изъ такихъ примѣровъ частичнаго пониманія.

Иногда можно встрѣтить еще особое отношеніе къ смерти, какъ къ оправданію и объясненію своей жизни. Людямъ кажется, что къ мертвымъ они и другіе относятся болѣе безпристрастно и участливо, чѣмъ къ живымъ. Вслѣдствіе этого, многіе люди, считающіе себя или обойденными или непонятыми, относятся къ смерти съ нѣкотораго рода упованіемъ, что она явится какъ бы свѣточемъ, освѣщающимъ ихъ жизнь и показывающимъ ея дѣйствительный смыслъ и значеніе. Насколько смерть въ дѣйствительности является такимъ свѣточемъ, объ этомъ нѣтъ надобности разговаривать, но самое упованіе такого рода, всегда вытекаетъ изъ глубокаго чувства обиды и представляетъ для человѣка извѣстное утѣшеніе, слѣдовательно, и такое отношеніе къ смерти можно считать уже положительнымъ моментомъ въ идеи смерти, какъ уничтоженія.

Независимо отъ выраженія какихъ-либо чувствъ по отношенію къ смерти, надо упомянуть о томъ великомъ мировомъ законѣ, который является вѣчнымъ носителемъ жиз-

нии по которому смерть есть лишь индивидуальное уничтожение, великая метаморфоза жизни, въ силу которой прекратившаяся жизнь немедленно становится источникомъ новыхъ жизней, низшихъ, по мнѣнію челоука, но столь же чудныхъ и непонятныхъ, какъ самое челоуческое существование. Возникнувъ изъ клѣтки, челоуческой организмъ переходитъ черезъ различныя стадіи своего развитія и за тѣмъ разлагается, при чемъ его разложение есть условіе возникновения множества жизней столь же простыхъ, какъ первоначальная клѣтка зародыша, и природа совершаетъ свой циклъ жизни, не справляясь, съ осужденіемъ или съ восторгомъ относится къ ея непреложнымъ законамъ челоуческой разумъ.

Въ виду того, что смерть имѣетъ для челоука значеніе только въ зависимости отъ тѣхъ представленій, которыя онъ объ ней имѣетъ, само собою понятно, что смерть не всегда возбуждаетъ страхъ.

И, дѣйствительно, мы встрѣчаемъ очень разнообразное отношеніе къ смерти у различныхъ людей.

Прежде всего надо упомянуть о совершенно спокойномъ, почти равнодушномъ, отношеніи къ смерти, которое мы встрѣчаемъ на всѣхъ ступеняхъ цивилизаціи. Существуетъ множество описаній дикарей, обреченныхъ на казнь, совершенно невозмутимо смотрящихъ на приготовленія къ ней, и умирающихъ, не издавъ ни единого звука, и равнымъ образомъ, существуетъ множество примѣровъ покойнаго отношенія къ смерти среди цивилизованныхъ народовъ, какъ древняго, такъ и новаго міра. Достаточно упомянуть о смерти Сократа, чтобы видѣть, что чувство страха смерти можетъ быть чуждо челоуку въ силу глубокихъ внутреннихъ мотивовъ, заставляющихъ его спокойно смотрѣть на прекращеніе его жизни.

Тургеневъ приводитъ слѣдующій примѣръ такой сократической смерти:

„Умирала старушка помѣщица. Священникъ сталъ читать

отходную и, замѣтивъ, что больная дѣйствительно отходить, поскорѣе подалъ ей крестъ. „Куда спѣшишь, батюшка,— проговорила коснѣющимъ языкомъ помѣщица: — успѣешь“. Она приложилась, засунула руку подъ подушку и испустила послѣдній вздохъ. Подъ подушкой лежалъ цѣлковый: она хотѣла заплатить за свою собственную отходную“...

Затѣмъ, равнодушное и даже пренебрежительное отношеніе къ смерти можетъ развиваться у людей въ силу привычки видѣть смерть, и часто подвергаться опасности. Первоначальную роль здѣсь играетъ чувство долга, которое заставляетъ преодолевать возникающій страхъ, затѣмъ страхъ, который всегда есть чувство физиологическое, ослабѣваетъ и перестаетъ возбуждаться тѣми внѣшними условіями, при которыхъ онъ возникалъ до того съ большею силой. Примѣрами могутъ служить всѣ люди, привыкшіе къ опасностямъ: военные, мореплаватели, охотники и пр.

У грековъ и римлянъ смерть безъ страха и съ достоинствомъ пользовалась большимъ уваженіемъ, что естественно заставляло человѣка приучать себя къ мысли о смерти и къ умѣнію владѣть собою въ послѣдній моментъ. Достаточно вспомнить смерть гладиаторовъ, специально обучавшихся умирать, чтобы видѣть, какъ далеко заходили тогда въ этомъ отношеніи.

Въ этомъ не слѣдуетъ видѣть только театральнаго эффекта. Все наше воспитаніе есть рядъ привычекъ. Страхъ можетъ быть подавленъ привычкой, слѣдовательно, воспитаніемъ. Поэтому неподавленный, неразумный страхъ есть, въ свою очередь, только дурная привычка. И, конечно, лучше нѣкоторая театральность смерти, чѣмъ дикій, необузданный страхъ предъ нею, подобный страху раба передъ палкой своего господина.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію послѣднихъ элементовъ страха смерти, къ сожалѣнію объ утратѣ жизни и къ сожалѣнію объ остающихся въ живыхъ людяхъ.

Что касается тяжести разставанія съ людьми, то это

чувство слабо выражено въ дѣтствѣ и ранней юности. Въ это время человѣкъ смотритъ даже на близкихъ ему по крови людей, особенно на старшихъ, какъ на людей, которымъ онъ не нуженъ и у которыхъ есть своя особая, непонятная для него, жизнь. Другихъ самостоятельныхъ органическихъ привязанностей онъ еще не успѣваетъ разработать и тѣ привязанности, которыя у него есть, не успѣли пустить глубокихъ корней.

Но уже въ молодости, и особенно въ зрѣломъ возрастѣ, человѣкъ непременно бываетъ окруженъ людьми, которымъ онъ служитъ поддержкой и которые составляютъ для него часть его собственной жизни. Привязанности, становящіяся съ теченіемъ времени органическими, чувство долга, мысль о возможной беззащитности остающихся въ живыхъ, дѣлаютъ смерть страшнымъ призракомъ, хотя человѣкъ можетъ и не испытывать передъ нимъ никакого трепета, и справедливость требуетъ сказать, что чувство сожалѣнія о близкихъ, являющееся элементомъ и иногда единственнымъ мотивомъ страха смерти, не только объясняетъ и вполне достаточно мотивируетъ этотъ страхъ, но и дѣлаетъ его однимъ изъ благороднѣйшихъ чувствъ человѣка. Не забота о собственномъ благополучіи, не страхъ за себя и вопросы о томъ, какъ прожита была собственная жизнь и какой слѣдъ человѣкъ оставилъ по себѣ въ мірѣ, но сознание необходимости своей жизни, какова бы она ни была, лежитъ въ основаніи этого страха, и ни что не спасетъ человѣка отъ этого чувства, кромѣ равнодушія къ людямъ. Это чувство, до котораго не дожилъ юноша, и изъ котораго часто уже выжилъ старикъ, является украшеніемъ зрѣлаго возраста. Оно не рѣдко служитъ источникомъ не малыхъ мученій и часто ведетъ къ сохраненію жизни, даже при существованіи стремленія освободиться отъ нея, какъ показываетъ статистика самоубійствъ, гдѣ мы находимъ, что наибольшее количество самоубійствъ приходится на молодой, почти юношескій возрастъ, на время первой встрѣчи съ жизнью лицомъ къ лицу, затѣмъ идутъ одинокіе зрѣлые

люди, и меньше всего самоубійствъ приходится на долю людей, обремененныхъ многочисленнымъ семействомъ.

Иной смыслъ и значеніе имѣеть сожалѣніе о разставаніи съ жизнью. Шопенгауеръ хотѣлъ видѣть въ этомъ даже главнѣйшій мотивъ страха смерти, и не подлежитъ никакому сомнѣнію, что такого рода сожалѣніе является однимъ изъ крупнѣйшихъ элементовъ страха смерти.

И здѣсь намъ надо различить дѣтство и юность, молодость, зрѣлый возрастъ и старость.

Въ дѣтствѣ и юности этотъ страхъ выраженъ очень слабо. Это время преимущественно физическаго развитія, когда жизнь еще далека и не осмыслена, дѣйствительные запросы души еще совершенно не выработались. Мысль о смерти еще болѣе смутна, чѣмъ мысль о жизни, и ихъ взаимныя соотношенія еще не установлены. Дѣти и отроки умираютъ, часто не успѣвъ отдать себѣ отчета въ томъ, что съ ними происходитъ, вполне довѣряясь словамъ утѣшенія, не будучи въ состояніи оцѣнить свое положеніе.

Въ случаяхъ быстрой насильственной смерти, у ребенка не много возникаетъ въ душѣ.

„Одинъ мальчикъ, 8-ми лѣтъ, упалъ съ высоты двадцати двухъ метровъ. Не сложны были его мысли и немного времени нужно было, чтобы ихъ рассказать. Эта была единственная мысль: „какъ бы не потерять хорошенькій ножикъ, который подарилъ мнѣ отецъ“.

„Другой мальчикъ, восьми лѣтъ, заснулъ на берегу, упалъ въ воду и его понесло теченіе. Проснувшись отъ холода, онъ открылъ глаза, не понялъ, что съ нимъ, взглянулъ на берегъ и подумалъ: „какіе хорошенькіе камушки, точно серебряныя монеты“. Въ этотъ моментъ трава коснулась его лица, онъ испугался, хотѣлъ закричать, захлебнулся и потерялъ сознаніе. Другой ребенокъ четырехъ лѣтъ закричалъ въ это время съ берега: „Анри купается“.

Но зато нѣтъ ничего болѣе естественнаго и понятнаго, какъ чувство сожалѣнія о своей жизни въ молодости. Молодость—это время первыхъ самостоятельныхъ шаговъ и

періодъ, когда вырабатываются въ человѣкѣ его лучшія силы, еще не нашедшія себѣ примѣненія. Жизнь развертывается впереди въ образахъ смутныхъ, но величавыхъ и кажется безграничнымъ океаномъ, гдѣ человѣкъ найдетъ множество разнообразныхъ случаевъ приложить свои силы и испытать многочисленныя и разнообразныя ощущенія, которыя пока живутъ въ немъ въ видѣ почти инстинктивныхъ стремленій. И смерть, грозящая прервать жизнь въ самомъ началѣ, когда она является еще великимъ неизвѣстнымъ, естественно возбуждаетъ страхъ. Это чувство неудовлетвореннаго любопытства и наиболѣе ясная и опредѣленная мотивировка этого сожалѣнія выражается въ словахъ: „я такъ мало еще испыталъ“. И надо сказать, что такая формула заключаетъ въ себѣ чрезвычайную убѣдительность. Совершенно оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, въ чемъ заключается смыслъ жизни, мы должны твердо помнить, что человѣческій организмъ имѣетъ свой циклъ развитія, какъ и всякій другой организмъ, и накопляющіяся въ немъ въ дѣтствѣ и юности силы требуютъ своего примѣненія. Это примѣненіе силъ неизбежно сопровождается рядами ощущеній, и жажда ощущеній есть не что иное, какъ психическій выразитель этихъ накопленныхъ силъ. Это—любопытство, но любопытство, обусловленное непреложнымъ закономъ природы.

Это сожалѣніе нерѣдко переходитъ въ прямой протестъ, въ ропотъ на Бога и въ тупое отчаяніе. Простая основательность такого сожалѣнія охватываетъ собою и окружающихъ, и смерть въ молодыхъ годахъ всегда производитъ жгучее чувство сожалѣнія и невольно возбуждаетъ идею о безсмыслии смерти.

Нѣсколько иное отношеніе вызываетъ къ себѣ сожалѣніе о жизни въ зрѣлыхъ годахъ и особенно въ старости. Тутъ рѣчь идетъ чаще всего о сохраненіи тѣхъ ощущеній, которыя наиболѣе пріятны данному лицу, о повтореніи ихъ, такъ какъ въ зрѣломъ возрастѣ едва ли многое остается для человѣка неиспытаннымъ. Но въ тоже время совершается

уже и оцѣнка жизни и ея задачъ. Жизнь какъ долгъ и работа ясно лежитъ передъ человѣкомъ, и сожалѣніе объ ея утратѣ не вполне логично связывается съ этой идеей. Впрочемъ, надо сказать, что сожалѣніе о жизни наименѣе рѣзко выражено, именно, въ зрѣломъ возрастѣ. Жизнь утратила свою первоначальную прелесть, горе смѣшалось съ радостью, и цѣна жизни для самого живущаго уже значительно уменьшилась, даже независимо отъ чувства такъ называемаго разочарованія, которое почти совсѣмъ не свойственно здоровому человѣку.

Но такъ или иначе, сожалѣніе о жизни есть опредѣленный мотивъ, который даетъ страху смерти логическое основаніе. Хотя смерть и не составляетъ страданія и, съ другой стороны, природа вѣчно замѣняетъ одно существованіе другимъ и жизнь, угасшая въ одномъ мѣстѣ, тотчасъ вспыхиваетъ въ другомъ, переходя отъ одного существа къ другому, и отъ одной планеты къ другой на безконечномъ пространствѣ міровъ, тѣмъ не менѣе уничтоженіе данной индивидуальности есть неоспоримый фактъ и утрата остается незамѣнимой.

И здѣсь природа приходитъ намъ на помощь. Мысль о смерти чрезвычайно легко вытѣсняется у насъ всякимъ мыслительнымъ процессомъ, такъ какъ идея смерти не имѣетъ для насъ значенія въ каждый моментъ нашего существованія и не входитъ въ число основныхъ элементовъ, изъ которыхъ слагается наше я. Правда, одинъ изъ нашихъ писателей утверждалъ, что мысль о смерти настолько преслѣдуетъ его, что самое тѣло его ему кажется трупомъ, который онъ постоянно влачить за собою. Но, если этому повѣрить, мы имѣемъ тогда случай такъ называемой навязчивой идеи и потому, изъ осторожности, лучше этому не повѣрить. Случаи же навязчивыхъ идей о смерти, соединенныхъ со страхомъ, то, что можно назвать танатофобіа, представляютъ собою уже патологическое явленіе и въ настоящую минуту не привлекаютъ нашего вниманія.

Слѣдовательно, жизнь, идущая своимъ обычнымъ путемъ,

уже исключаетъ для насъ мысль о смерти и это происходитъ не случайно, а по основному закону соотношенія психическихъ состояній, т.-е. идей и соединенныхъ съ ними эмоцій. Какъ только въ душѣ нашей возникнетъ какое-нибудь чувство или мысль, они будутъ удалять мысль о смерти. Даже у животныхъ аффектъ подавляетъ страхъ передъ опасностью и разгнѣванная курица бросается на собаку съ такимъ же самоотверженіемъ, какъ это дѣлаютъ люди. Однако, идея о смерти, особенно близкой, сама соединяется съ эмоціей и даже аффектомъ и, въ свою очередь, стремится вытѣснить изъ сознанія всѣ другія идеи. Но чѣмъ болѣе стойки наши идеи, тѣмъ труднѣе ихъ вытѣсняетъ изъ сознанія идея смерти.

Если мы будемъ изучать условія стойкости идей, то найдемъ, что чѣмъ общѣе идея, тѣмъ болѣе стойкой она является.

Обращаясь къ нашему сознанію, мы находимъ, что наименѣе общими идееми являются идеи, направленныя на интересъ собственнаго существованія. Поэтому, если человѣкъ живетъ только своими собственными интересами, эти интересы будутъ у него ослабѣвать, равно какъ и относящіяся сюда чувства вслѣдствіе повторенія ослабѣютъ. Въ то же время идея смерти съ возрастомъ будетъ выигрывать въ силѣ и, наконецъ, непременно вытѣснитъ прочія идеи и станетъ преобладающей и человѣкъ неминуемо сдѣлается жертвой страха смерти. Этотъ страхъ будетъ на время ослабляться только низшими аффектами, которые одни только и свойственны такому человѣку, именно—гнѣвомъ или страстью. Разсердится человѣкъ и забудетъ про смерть, пройдетъ гнѣвъ, и онъ опять будетъ бояться.

Болѣе общія идеи возникаютъ въ человѣкѣ, когда онъ сливаетъ свою жизнь съ другою жизнью и по мѣрѣ того, какъ онъ охватываетъ интересы все большаго и большаго круга людей, идеи его становятся все болѣе и болѣе общими и, слѣдовательно, все болѣе и болѣе стойкими, равно какъ и связанныя съ ними чувства. Наиболѣе стойкими бу-

дутъ идеи, относящіяся къ человѣчеству, во всемъ объемѣ этого понятія, т.-е. въ его прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ.

Далѣе. Жизнь измѣряется не продолжительностью, но интенсивностью. Интенсивность жизни тѣмъ больше, чѣмъ большее количество идей и связанныхъ съ ними сложныхъ чувствованій она въ себѣ заключаетъ. Наша современная жизнь неизмѣримо интенсивнѣе жизни древнихъ, такъ какъ мы концентрируемъ въ себѣ опытъ прошлыхъ вѣковъ и стремимся активно къ осуществленію такого рода идей, которыя прежнимъ поколѣніямъ представлялись только въ видѣ мечтаній, и можно сказать, что мы могли бы удовольствоваться гораздо меньшимъ періодомъ жизни, чѣмъ наши предшественники, для того, чтобы пережить тѣ же впечатлѣнія и даже еще болѣе сложные. Воспринять идеи, даже очень большой сложности, молодость совершенно въ состояніи и нерѣдко даже отроки успѣвали оставить о себѣ память въ потомствѣ. Греки боготворили людей, погибшихъ во время совершенія общепользныхъ подвиговъ, и Эпаминондъ, раненый во время сраженія дротикомъ, какъ только узналъ, что онъ одержалъ побѣду, выдернулъ дротикъ изъ раны, чтобы умереть именно въ минуту счастливаго сознанія, что онъ даровалъ отечеству побѣду. И великое множество юношей пало на полѣ битвы, подобно казанскимъ школьникамъ, отбивавшимъ приступъ Пугачева, не думая о смерти, а лишь о томъ, за что они отдавали свою жизнь.

Настоящая интенсивная жизнь начинается для человѣка только съ того момента, когда онъ выходитъ за предѣлы своего личнаго существованія и отдаетъ свою жизнь другимъ. Жизнь можетъ быть отдана одному человѣку или многимъ, или всему человѣчеству, и во всѣхъ этихъ случаяхъ человѣкъ можетъ позабыть о своей собственной жизни и смерти. Правда, эти простыя вещи понятны не всѣмъ, и есть люди, которые полагаютъ, что этого мало, и проводятъ время въ размысленіи о томъ, что наступитъ моментъ, когда погаснетъ солнце и охладится земля, и всякая жизнь исчез-

нетъ, совсѣмъ забывая при этомъ, что когда это произойдетъ, тогда не будетъ на свѣтѣ людей и некому будетъ отдавать свою жизнь, и она потеряетъ свой смыслъ, и если бы такого человѣка оставить одного на охладѣвшей землѣ, то онъ постарался бы поскорѣе замерзнуть и самъ.

Но солнце пока еще не потухло, и наиболее интенсивной и прекрасной является жизнь, связанная съ жизнью другихъ людей, исключая всякій страхъ личнаго уничтоженія, и кто сольетъ свою жизнь и работу съ вѣковой работой человѣчества на пути къ возможному счастью, тотъ и при кратковременной жизни успѣетъ узнать чувство безсмертія.

А. Токарскій.
